

Р.Л. НИКУЛИН, В.Е. БРЕДИХИН, С.Н. ЗАХАРЦЕВ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Часть 1

IX ВЕК – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Учебное издание

НИКУЛИН Роман Львович
БРЕДИХИН Владимир Евгеньевич
ЗАХАРЦЕВ Сергей Николаевич

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ**

ЧАСТЬ 1

IX век – первая половина XIX века

Учебное пособие

Редактор Е.С. Мордасова
Компьютерное макетирование М.А. Филатовой

Подписано в печать 21.01.05
Формат 60 × 84 / 16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Объем: 4,65 усл. печ. л.; 4,5 уч.-изд. л.
Тираж 400 экз. С. 48

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета,
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14
Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный технический университет»

Р.Л. НИКУЛИН, В.Е. БРЕДИХИН, С.Н. ЗАХАРЦЕВ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ**

Часть 1

IX ВЕК – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

Учебное пособие

Рекомендовано Ученым советом университета в качестве учебного пособия

Тамбов
Издательство ТГТУ
2005

ББК У03(2)я 73
Н651

Рецензенты:
Кандидат исторических наук
А.М. Блудов,
Кандидат экономических наук
О.В. Дьякова

Никулин Р.Л., Бредихин В.Е., Захарцев С.Н.

Н651 Проблемы истории экономического развития России. Ч. 1. IX век – первая половина XIX века: Учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 80 с.

Пособие позволяет обобщить и систематизировать знания по истории экономического развития русских земель в IX веке – первой половине XIX века.

Предназначено для студентов 1–2 курсов, изучающих базовый курс «Отечественная история» и элективный курс «История экономики России».

ББК У03(2)я 73

ISBN 5-8265-0344-0

© Никулин Р.Л., Бредихин В.Е.,
Захарцев С.Н., 2005
© Тамбовский государственный
технический университет
(ТГТУ), 2005

1 ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

1.1 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ФЕОДАЛИЗМА. ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Феодализм как определенный тип хозяйственного порядка, способ общественного производства характеризуют ряд сущностных черт, среди которых следует выделить следующие:

- господство натурального хозяйства, как в рамках крестьянского двора, так и феодальной вотчины, производство которого ориентировано, прежде всего, на личное потребление, а не на рынок;
- крайне низкий уровень развития средств производства (рутинная, к примеру, сельскохозяйственная техника, не позволяющая организовать расширенное воспроизводство);
- господство крупного феодального землевладения, которое, тем не менее, в экономическом базисе сосуществует с мелким крестьянским землевладением или землепользованием;
- наличие личной зависимости непосредственных производителей – крестьян от феодалов, которые используют внеэкономическое принуждение для эксплуатации первых.

Внеэкономическое принуждение является неотъемлемым признаком феодальных производственных отношений, придает феодальному способу организации общественного производства качественную специфику. Без внеэкономического принуждения немыслима реализация феодальной земельной собственности.

Рабочая сила человека является потребительной стоимостью. При капиталистическом способе производства предприниматель как бы покупает ее у наемного рабочего, пользуясь ею за плату. Рабочий вынужден выступать в роли продавца своей рабочей силы, труда как фактора производства, поскольку не располагает средствами производства. Здесь наличествует экономическое принуждение, подчинение рабочей силы чужой воле. Иное происходит при господстве феодальных отношений. Тут сочетается феодальная земельная собственность с крестьянским землепользованием. Крестьянин является самостоятельным производителем, собственником средств производства. Если при капитализме немалая доля предпринимательской прибыли состоит из так называемой прибавочной стоимости, т.е. неоплаченной части труда рабочего, то при феодализме прибавочный труд доставляется в пользу феодала в виде так называемой феодальной ренты от производителя. Однако мы оговорились, что крестьянин, в отличие от раба или наемного рабочего эпохи капитализма, является собственником средств производства и работает в собственном хозяйстве. Следовательно, чисто экономические способы использования рабочей силы здесь не могут быть использованы. Таким образом, для обеспечения феодальной ренты господствующему слою необходима власть над личностью производителя, его личная несвобода, т.е. по сути, внеэкономическое принуждение. Степень несвободы при феодализме может быть самой различной: от наиболее полной с крепостническими порядками до простой сословной неравноправности. Для обеспечения отношений господства – подчинения феодал имеет функции политической власти в пределах своих владений. Крестьяне становятся к тому же его подданными.

В итоге, внеэкономическое принуждение представляет собой принуждение производителя к бесплатной отдаче рабочей силы для создания прибавочного продукта, идущего в пользу землевладельца, путем подчинения личности землевладельца через отношения политического господства – подданства. Феодальная земельная собственность в этом плане очень далека от современных представлений о частной собственности. Это не столько обладание хозяйственным объектом, сколько власть над самостоятельными производителями, проживающими на земле.

В Киевской Руси становление раннефеодальных отношений развивается на базе разложения родоплеменного строя. Огромную роль в феодализации сыграла княжеско-дружинная военная прослойка, постепенно выделившаяся из рамок родового общества и узурпировавшая публичные функции. На смену власти социальной в родоплеменных коллективах приходит власть публичная в территориально-политических образованиях, в которые эволюционируют первые. Носителями этой власти и выступают князь с дружиной, олицетворяющие собой государство.

Подчинение киевским князьям земель восточнославянских племен сопровождалось обложением последних данью, которая первоначально носила характер военной контрибуции. Систематическое извлечение дани означало установление верховной собственности Киевского государства на эти земли. Государственная собственность в Древней Руси являлась исторически первой формой феодальной зе-

мельной собственности, поскольку государство противостояло самостоятельным производителям – свободным общинникам и в качестве земельного собственника, и в качестве суверена, т.е. верховной власти. Дань, взимаемая киевскими князьями, сочетала в себе черты и феодальной ренты, и налога, а если быть более точным – являлась нерасчлененной рентой-налогом.

Собираемая дань шла на содержание великого князя и его дружины. В силу этого возможно рассматривать княжеско-дружинное сообщество в качестве корпоративного феодала.

Первоначально феодальная эксплуатация зависимого от киевских князей населения осуществлялась путем «полюдь» – ежегодного объезда земель покоренных восточнославянских племен с целью сбора дани. Единицей обложения являлось домохозяйство, двор («дым» и «рало»). После проведения в 946 году княгиней Ольгой административно-финансовой реформы дань была зафиксирована в строго определенных размерах и ее стали свозить в княжеские административные центры – погосты.

Дальнейшее развитие феодальных отношений связано со становлением частного феодального землевладения в XI–XII веках. Используя прерогативы верховного распорядителя государственной собственности князья нередко в этот период в качестве вознаграждения за службу вместо прежнего распределения части дани передают своим старшим дружинникам населенные земледельцами земли. Возникают боярские вотчины.

Под вотчиной следует понимать полную, наследственную земельную собственность. Население земель, входивших в состав вотчин, могло быть самым различным. Это были и лично свободные общинники-смерды, ранее уплачивавшие феодальную ренту государству, а теперь направлявшуюся в пользу боярина-вотчинника, а также представители различных лично зависимых от феодала категорий населения.

В собственном хозяйстве феодалы очень часто используют труд холопов или челяди – фактически рабов. В холопство возможно было попасть в силу различных обстоятельств. К его источникам относили плен, рождение от рабыни, продажа самого себя в холопы (делали это, как правило, от большой нужды), поступление в услужение кому-либо без специального договора («ряда»), оговаривающего личную свободу, женитьба на рабе без договора и т.д. Письменные памятники говорят о широкой эксплуатации труда холопов, что свидетельствует о значимости рабовладельческого уклада в социально-экономическом развитии Киевской Руси. Впрочем, несмотря на это, господствующим был феодальный способ производства.

Работали на господской земле также рядовичи, закупы, наймиты. Их зависимость имела экономическое происхождение. Рядовичи и закупы – в силу каких-либо обстоятельств разорившиеся земледельцы, которые для восстановления хозяйства брали ссуду у феодала (к примеру, семенами, скотом), либо деньги в долг («купу»). Сумму задолженности и проценты они отрабатывали на пашне феодала со своим собственным инвентарем. Это были так называемые «ролейные», т.е. пашенные закупы.

Договоры займа или найма влекли за собой юридическую власть феодала над рядовичами, закупками и наймитами. Закупничество по сути являлось промежуточным социальным состоянием между лично свободными общинниками и полностью несвободными (холопами). Возвращение «купы» и уплата процентов превращали закупа в полноправного члена общества, напротив, попытка к бегству при неуплате долга превращала его в частную собственность феодала – холопа.

Тем не менее, по-видимому, размеры господской пашни в пределах феодальной вотчины не могли быть большими, поскольку в условиях натурального хозяйства ее население, уплачивая ренту в форме натурального оброка, снабжало феодала практически всем необходимым.

1.2 Сельское хозяйство, ремесло и торговля в Киевской Руси

Основной отраслью сельскохозяйственного производства в Киевской Руси являлось земледелие. О его развитии у восточных славян напоминают еще византийские источники середины I тыс. нашей эры. В характере земледелия имелись различия, обусловленные природно-климатическими условиями различных районов. На северо-востоке в зоне широколиственных лесов с их скудными подзолистыми почвами долгое время господствовало подсечно-огневое земледелие. Его суть сводилась к вырубке и выжиганию лесных пространств. Отвоеванная у леса земля давала недолгое время хоро-

шие урожаи, но затем быстро истощалась. Это требовало вырубki все новых и новых лесных пространств. Так что в северных регионах государства наиболее ярко проявился экстенсивный характер древнерусского земледелия.

На юге, в лесостепной полосе с более плодородными почвами достаточно быстро наметился переход от переложного земледелия (истощенный участок при нем забрасывался на несколько сельскохозяйственных циклов для восстановления плодородия, затем возвращались к его обработке) к пашенному. Наиболее распространенной формой последнего было двуполье, когда поочередно засеивались два поля, на которые делилась пашня. В более благоприятных для земледелия условиях на юге происходит переход к обработке пашни орудием плужного типа – деревянным ралом.

Кроме земледелия значимой отраслью сельского хозяйства являлось животноводство. Особенно развивалось коневодство. Причину его преимущественного развития стоит искать в огромной роли лошади как тяглой силы в земледелии, а также в необходимости обеспечивать конским составом воинские формирования. На коневодстве специализировались, как правило, крупные княжеские хозяйства. Косвенное тому подтверждение мы находим в сообщениях летописи о том, что враги черниговских князей Святослава и Игоря Ольговичей (40-е годы XII века) отбили у них огромные табуны лошадей.

Важным занятием земледельцев были различного рода промыслы, как то: рыболовство, охота, бортничество, т.е. сбор меда диких пчел, которые давали дополнительный доход земледельческим хозяйствам.

Одной из важнейших сторон процесса общественного разделения труда стало отделение ремесла от земледелия. И хотя некоторая часть ремесленников проживала и работала по-прежнему в сельской местности, центр ремесленного производства в XI–XII веках перемещается в город. Мы можем вполне уверенно утверждать о довольно высоком уровне его развития. Число ремесленных специальностей достигает в этот период нескольких десятков. Наиболее распространена была металлообработка. Железные руды – болотные, озерные, луговые – достаточно широко залежали на территории Киевской Руси. Плавил железо в примитивных горнах, где необходимая для плавления температура поддерживалась с помощью ручных мехов. Полученный полуфабрикат затем использовался кузнецами для изготовления готовой продукции военного и гражданского назначения. Особенно славились изделия русских оружейников, даже в странах Западной Европы. В рамках этой специальности в наибольшей мере чувствуется дифференциация ремесленного производства.

На севере и северо-западе наиболее распространены были плотницкие промыслы. Огромных успехов достигает гончарное ремесленное производство. Развиваются строительные специальности – «городники», соорудившие крепостные стены, «мостники», занимавшиеся укладкой городских мостовых.

В основном древнерусские ремесленники работали по индивидуальным заказам, однако с некоторой долей осторожности можно предложить, что некоторые из них начинают ориентироваться на рынок, т.е. возникают зачатки мелкого товарного производства. Крупнейшими центрами ремесел становятся Киев и Новгород.

Господство натурального хозяйства не предполагает интенсивных торговых связей внутри страны. Вместе с тем существует естественная специализация районов на производстве какого-либо вида продукции, которая объективно делает необходимым развитие внутреннего обмена. К примеру, в Новгородской земле всегда ощущался острый недостаток собственного хлеба. Достаточно интенсивную хлеботорговлю с Новгородом и Псковом вели так называемые «низовские» земли, т.е. Владимиро-Суздальское княжество. Владимирский князь Андрей Боголюбский в XII веке даже использовал в своих политических целях эту зависимость богатейшей вечевой республики от привоза зерновой сельхозпродукции.

В свою очередь, Новгород торговал изделиями высокоразвитого здесь ремесла.

Более активно с IX–X веков развивается внешняя торговля. В этот период она приобретает государственное значение. Причину этого следует искать в заинтересованности князя и дружины в сбыте на иностранных рынках натуральных продуктов, получаемых в ходе «полюдий» – мехов, меда, воска и т.д. Первые особенно ценились на европейских и азиатских рынках. В результате постоянного взимания дани в руках княжеско-дружинной верхушки накапливались огромные запасы подобных товаров, которые не могли быть все израсходованы для личного потребления. Для их реализации, в основном в Константинополе, снаряжались огромные торговые караваны. Военно-политические конфликты с Византийской империей возникали не в последнюю очередь из-за желания русских князей

получить режим наибольшего благоприятствования для торговли на территории империи. По наиболее выгодным для Руси договорам князя Олега с византийцами 907 и 911 годов русские купцы получали право беспощинной торговли в Византии. Таким образом, от внешней торговли с Византией обогащалась в основном такая княжеско-дружинная прослойка общества как корпоративный феодал. Однако выделяется группа лиц, специально занимающаяся ведением внутренней или внешней торговли – купечество. Огромное значение торговли для жизни Киевского государства выразилось в особом почитании Велеса, традиционно считаемого богом скота, однако, по всей видимости, являвшегося богом-покровителем торговли (слово «скот» в древнерусском языке означало деньги).

Помимо днепровского для торговли с Византией, использовался и дунайский торговый путь, по которому устанавливались хозяйственные контакты с Чехией и Баварией. Через низовья Волги шла торговля со странами арабского Востока. Кроме уже вышеуказанных товаров на экспорт шли кожи, лен, продукция оружейников и т.д. Импортировались драгоценные металлы, камни, шелк, сукна, бархатные ткани, пряности, вино и так далее, т.е. те товары, которые шли на удовлетворение потребностей верхушки общества.

В связи с развитием торговли, объективно подталкивающей к поиску меры стоимости и средства обращения, в Киевской Руси возникают деньги, денежное обращение. Первые монеты стали чеканить еще в конце X века при князе Владимире – злотники и серебряники. После смерти Ярослава Мудрого чеканка монеты прекращается. Впрочем, русские золотые и серебряные монеты скорее служили целям пропаганды могущества и значимости киевских князей, нежели чем действительно обслуживали экономический оборот. В большей мере это делали используемые в обращении арабские дирхемы, а также западноевропейские серебряные монеты.

С середины XI века начинается так называемый безмонетный период в истории русского денежного хозяйства. Роль монеты играли серебряные слитки – гривны, которые в зависимости от места изготовления и обращения имели разный вес (≈ 160 г в киевской гривне; ≈ 200 г в новгородской гривне). Более мелкими разменными денежными единицами служили ногаты, куны, веверицы, входившие в денежный счет гривны в следующем соотношении: 1 гривна = 20 ногатам = 50 купам = 100 или 150 веверицам. Сохранение за металлическими деньгами названия шкурки пушных зверей говорило о том, что меха так же использовались в качестве денег. Известно, что княжеские чиновники собирали такого рода меха в связки и клеймили их. Иногда слитки гривны резали на части, и тогда получалась более мелкая разменная единица – резан.

* * * * *

Катастрофический ущерб экономике Древней Руси нанесло татаро-монгольское нашествие. Последствиями неслыханного до того момента разорения стало не только сокращение количества населения, уничтожение многих городов и сел, но и прямой упадок городской жизни, городского ремесленного производства. Множество искусных ремесленников были угнаны в Орду. Технологические секреты многих видов ремесленного производства были навсегда утеряны. Явно наметился экономический упадок Древней Руси. Верный показатель этого – то, что каменное строительство возобновилось только в самом конце XIII века да и то в Новгороде, непосредственно не пострадавшем от татаро-монгольского нашествия. Ордынские ханы, установив зависимость русских земель от своей власти, наложили на них дань – «ордынский выход», тяжким бременем ложившийся на плечи плательщиков. «Выход», собиравшийся сначала специальными татарскими чиновниками – баскаками, а затем и самими русскими князьями, тормозил развитие производительных сил страны. Избегнуть его было достаточно тяжело, поскольку монголы для точного учета налогоплательщиков провели податную перепись населения – так называемое «число» (50-е годы XIII века). От уплаты дани оказались освобождены только представители духовенства.

2 ХОЗЯЙСТВО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XV–XVII веках

2.1 Становление поместной системы землевладения.

Оформление крепостного права

Возникновение с вотчинным, дворцовым землевладением черносошных государственных крестьян новой формы феодального землевладения напрямую было связано с процессом объединения русских земель в единое, централизованное государство, усложнением тех внешнеполитических задач, которые стояли перед ним на рубеже XV–XVI веков. Их выполнение зависело не в последнюю очередь от создания многочисленных, хорошо подготовленных вооруженных сил. Прежняя их структура, основанная на мобилизации великокняжеских, удельнокняжеских и боярских дружин, в силу неустойчивости, децентрализованности не соответствовала потребностям государства. Закономерно вставал вопрос об источниках содержания войска нового типа. В условиях прогрессирующего феодального хозяйственного уклада с его преимущественно натуральным характером, слабостью товарно-денежных отношений, его обеспечение за счет исключительно денежных ресурсов казны объективно было весьма трудно реализуемым. Главным экономическим ресурсом страны была земля с прилагавшимся к ней трудом земледельца.

Дворянство – формирующееся военное сословие – «испомещалось» на земле, которая должна была обеспечивать его готовность к военной службе в пользу государства. Обладание хозяйственным комплексом напрямую связывалось с фактом несения государственной службы. Таким образом, под помещьем следует понимать земельное владение, передаваемое под условием осуществления военной службы.

Первоначальной базой для развития поместного землевладения стали конфискованные в казну земли новгородских, тверских светских и духовных феодалов. Затем в раздачу помещикам пошли черносошные, государственные земли. Развитие поместной системы землевладения повлекло ряд экономических и юридических последствий для крестьянства.

Во-первых, усилилась феодальная эксплуатация владельческого крестьянства, которое несло повинности, как в пользу государства, так и в пользу своего помещика. Среди последних в феодальной ренте преобладал натуральный оброк. В меньшей степени были распространены барщинные отработки, которые были не особенно обременительны для крестьян, поскольку господскую запашку очень часто обрабатывали холопы, денежная рента. По подсчетам специалистов по аграрной истории русского средневековья среднее крестьянское хозяйство в виде рентных платежей отдавало от 20 до 30 % своего совокупного продукта.

Необходимость приложения крестьянского труда к земле для обеспечения постоянной служебной способности дворянства, малоземельность поместий, острая нехватка рабочих рук для обработки земель этой категории негативно сказывались на общем уровне хозяйственного развития поместных владений, закономерно ставя проблему государственного регулирования практики переходов лично свободных земледельцев. Судебники 1497 и 1550 годов, устанавливавшие единый для всей страны срок крестьянских переходов, тем не менее не свидетельствовали о проявлении последовательной тенденции к установлению крепостного права. Скорее они упорядочивали хозяйственные расчеты между землевладельцами и земледельцами, поскольку для последних воспользоваться правом «выхода» целесообразнее было именно после окончания всего цикла сельскохозяйственных работ, за неделю до и после Юрьева дня осеннего (26 ноября).

Действительно значимым, в плане прикрепления крестьян к земле, явлением стало введение в 1581 году так называемых «заповедных» лет, в течение которых запрещались крестьянские переходы. Глубинными факторами этой правительственной меры стали не только заботы о поддержании материального благосостояния военного сословия – дворянства, но и фискальный интерес, требовавший прикрепления налогоплательщиков в условиях хозяйственного кризиса 70–80-х годов XVI века массами покидавших места своего проживания. Стабилизация корпуса налогоплательщиков в рамках податных единиц – хозяйственных объектов – потребовала, по всей видимости, в 1592 – 1593 годах законодательного прикрепления к месту проживания основного податного населения, отмены «выхода» в Юрьев день, т.е., временная мера переросла в целенаправленную политику, обусловленную как спецификой налоговой системы, так и чрезвычайными обстоятельствами глубокого социально-экономического кризиса.

Введение в 1597 году так называемых «урочных» лет, устанавливавших пятилетний срок сыска беглых крестьян, несколько ослабило в интересах колонизации окраин страны крепостнический гнет. Крестьянина возможно было вернуть бывшему владельцу только до истечения указанного срока. После этого юридические основания водворения беглецов на прежнее место проживания оказывались исчерпанными. В начале XVII века правительство Бориса Годунова, чтобы предотвратить массовую гибель податного крестьянства, временно восстановило «выход» земледельцев в Юрьев день.

Окончательное юридическое оформление крепостного права фактически над всеми податными группами было подготовлено писцовыми описаниями 1620-х годов, подворной переписью 1646 года, фиксирующими налогоплательщиков на определенном месте. Соборное Уложение 1649 года, окончательно отменяя «урочные» лета и Юрьев день, санкционировало систему крепостного права в контексте прикрепления крестьян к земле. Феодалы получили власть над трудом земледельцев. Установление полного контроля и над его личностью, формирование представлений о крестьянах как о полной собственности господ явилось результатом дальнейшего углубления крепостнических порядков.

2.2 ГЕНЕЗИС МАНУФАКТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Одной из специфических черт генезиса российской мануфактуры является неравномерность вызревания предпосылок ее появления в различных отраслях хозяйства. К XVII веку они явно обозначились в отраслях, продукция которых находила сбыт на рынках, внутренних или внешних.

Типичный пример – солеварение. Добыча соли в силу постоянно высокого спроса на нее изначально была ориентирована на рынок, здесь достаточно рано, в сравнении с иными отраслями, складывается товарное производство. Поскольку содержание соляных варниц требовало вложения значительных средств, первоначально были распространены небольшие предприятия, чаще всего на паевых, складнических началах. Вместе с тем, большая доходность соляных промыслов способствует переливу в эту отрасль крупных капиталов, накопленных в сфере обмена.

В солеварение в Старой Руссе вкладывали свои капиталы новгородский гость А. Харламов, зажиточные купцы братья Веневитиновы; в солеваренной промышленности Соли Камской господствующее положение занимали Строгановы, сюда инвестировали средства виднейшие российские купцы – Шустовы, Филатьевы и др.

Наряду с увеличением варниц происходит их концентрация в руках достаточно небольшого круга предпринимателей. К концу XVII века возникает целый ряд довольно крупных предприятий, использующих более совершенные технологии, чем в мелких промыслах, и на которых последовательно обозначается разделение труда, указующее на возникновение мануфактурной формы крупного производства. На протяжении XVII века исследователи фиксируют факты образования порядка 10 мануфактур в солеваренной промышленности.

Инициатором создания мануфактур в металлургии, как и более простых форм крупного производства в этой отрасли, являлось государство. Однако, нельзя сказать, что в этот период в сфере мелкотоварного железоделательного производства вовсе не наблюдалось предпосылок укрупнения производства, т.е. возникновения мануфактуры естественным, эволюционным путем. Напротив, исследователями регистрируются факты выделения прослойки скупщиков в среде металлургических промыслов, которые, устанавливая связи с потребителями продукции, вовлекали кустарей и ремесленников в товарно-денежные отношения. Раздавая последним заказы, а зачастую и задатки, они устанавливали постепенно контроль над мелкотоварным производством. Здесь скорее необходимо говорить о предпосылках складывания рассеянной мануфактуры. Государство, имея в виду свои расширявшиеся потребности в качественной металлургической продукции, существенно ускорило этот процесс, перенеся на российскую почву готовые формы организации централизованной мануфактуры.

Одними из первых таких мануфактур в России стали построенные на протяжении 1630 – 1680-х годов иностранными предпринимателями четыре группы железоделательных вододействующих заводов в Тульском, Каширском, Боровском уездах, а также Олонецком крае. Концессионеры были привлечены благоприятными условиями, сложившимися в России для организации крупного производства – изобилием и дешевизной сырьевых ресурсов; отсутствием ограничений к развитию централизованной формы мануфактурного производства (в Западной Европе на начальной стадии развития крупного производства преобладающим типом была все же рассеянная мануфактура в силу наличия жесткой цеховой регламентации ремесленного производства); широкой помощью казны. Последняя, учитывая исключительную, в сравнении с другими отраслями, капиталоемкость крупного металлургического производства, ежегодно предоставляла в течение первых 10 лет функционирования первых заводов под Тулой субсидий в 3000 рублей в счет будущих поставок готовой продукции. Кроме того, на этот же срок концессионеры освобождались от оброчного обложения, им предоставлялось монопольное право в течение 10 лет заводить вододействующие металлургические предприятия.

Новые методы мануфактурного труда (последовательное применение разделения труда), технические новшества (использование энергии воды) позволили совершить настоящий качественный прорыв в сфере крупного товарного производства за счет резкого роста производительности труда и снижения себестоимости продукции.

Механизация труда была связана с изменением источника дутья – замене ручных мехов вододействующими, что дало возможность увеличить давление воздуха и температуру в домне, которая работала производительнее за счет более сильной загрузки. Доменные печи сооружались более широкими и высокими, чем домницы в кустарных и ремесленных промыслах. Разделение труда наблюдалось даже между заводами, которые подобно цехам единого предприятия, распределяли весь процесс производства на определенные стадии между собой. Как правило, в каждой из четырех групп заводов взаимодействовали доменные заводы, выплавляющие в две стадии полуфабрикат – чугуна, и вододействующие молотовые заводы, занимающиеся производством готовых изделий. Наибольшая степень разделения труда внутри заводов наблюдалась в производстве ручного огнестрельного оружия. В нем выделялись 7 – 8 специалистов.

С точки зрения экономичности и эффективности производства, его механизации русские мануфактуры были одними из наиболее передовых предприятий отрасли своего времени. При высоте домен на Тульских заводах в 7,5 метров они выдавали в сутки не менее 100 – 120 пудов чугуна. Для сравнения: лучшая английская печь в XVIII веке при высоте домны в 8,5 метров давала только 97,5 пудов чугуна. На выплавку 1 тонны чугуна расходовалось до 2 тонн обожженной руды и до 3 тонн угля, что было очень экономично. Водяная энергия на заводах использовалась не только для плавления иковки, но и с ее помощью действовали 3 сверлильных станка для сверления пушек, один шлифовальный, механическая пила, подъемные механизмы.

По подсчетам академика Струмилина, исходя из годового выпуска на Тульских заводах в 30 тыс. пудов продукции (готовых изделий и полуфабрикатов), учитывая все издержки, себестоимость чугуна по ценам того периода не превышала 7 копеек за пуд, в ядрах – 11 копеек, пушках – 13 копеек, связного железа – 32 копеек. «Уговорные» (заранее определенные) цены на металлургическую продукцию, принимаемую в казну, выглядят следующим образом: пушки – 70 копеек, прутковое железо и в ядрах – 40 копеек, дощатое железо – 80 копеек. Низкая себестоимость продукции при приемлемых закупочных ценах давала концессионерам баснословные нормы прибыли – более 200 % на вложенный капитал.

Казна также получала немалую выгоду, поскольку сложившиеся рыночные цены составляли: на пушки – 1...1,5 рубля, ядра – 60 копеек. Это позволяло государству существенно экономить, вооружая армию и снабжая ее боеприпасами.

Исследователи не располагают сведениями, работали ли Тульские и иные заводы систематически на внутренний российский рынок. Точно известно, что концессионеры смогли наладить экспорт военной продукции. Так, в 1647 году за границу было продано 360 артиллерийских орудий. Все тот же академик С.Г. Струмилин отмечал, что казна поглощала только 24 % выпускаемой продукции. После выполнения государственного заказа по «уставным» ценам заводчики имели возможность выходить на рынок.

Дискуссионным остается вопрос о социально-экономической природе первых российских мануфактур, о специфике производственных отношений в рамках крупного производства. Дdiamетрально противоположными являются взгляды историков и экономистов, усматривавших в последнем либо только феодальный, либо капиталистический хозяйственный уклад. Мы придерживаемся той точки зрения, что российская мануфактура XVII века сочетала в себе черты как того, так и другого.

О появлении и развитии зачатков капиталистической формы производства свидетельствует ряд обстоятельств. Во-первых, факт вложения самого капитала в предприятие, нацеленность всего производственного процесса на извлечение прибыли, расширенное воспроизводство капитала. Феодальное хозяйство в его «чистом» виде ориентировано, прежде всего, на извлечение прибавочного продукта в форме феодальной ренты, однако последний практически не расходуется на капитализацию, т.е. не происходит систематического вложения капитала в производство. Кроме того, извлечение прибыли предполагает высокую степень товарности хозяйства, в то время как преимущественная натуральность, направленность на удовлетворение в первую очередь собственного потребления, характеризуют феодальный способ хозяйствования. Во-вторых, контингент рабочей силы (мастера, подмастерья), занятой на основных, собственно заводских работах, являлся вольнонаемным, причем достаточно высоко оплачиваемым. Наемные рабочие работали на основе письменных или устных договоров, определявших сроки работы, форму и размер оплаты труда.

Тем не менее, принудительный труд применялся на внезаводских работах. К Тульско-Каширским заводам были приписаны крестьяне дворцовой Соломенской волости, в отношении которых государство как бы переуступало мануфактуристам свои феодальные привилегии. Уплачивая в казну оброк продукцией на сумму в 500 рублей, иностранные предприниматели получали возможность использовать труд крестьян. Они занимались заготовкой и привозом дров, выжигом древесного угля. И хотя к ним применялись меры экономической стимуляции в форме поденной оплаты труда, однако, по сути, предприниматели извлекали и в этом случае феодальную ренту от дворцовых крестьян. С одной стороны, приписные привлекались к заводским работам в обязательном порядке, т.е. труд их являлся принудительным при отсутствии добровольности купли-продажи рабочей силы, с другой – оставалась открытой возможность резкого увеличения эксплуатации путем завышения норм отработок или снижения размера их оплаты. Обязательность труда, превращавшая его в отработочную ренту для приписных крестьян и служилых людей, стала еще более очевидной при переходе заводов в казенную собственность. Передачей их в 1690 году Нарышкину юридически закреплялся сам факт принадлежности крестьян мануфактурам.

Таким образом, господствующий феодальный уклад воздействовал на функционирование первых предприятий мануфактурного типа. Черты нового экономического порядка неизбежно деформировались феодально-крепостническими устоями хозяйства страны. Зарождение и развитие различных форм крупного производства, в особенности мануфактурного, было непосредственным результатом казенного предпринимательства, либо инициировалось казной. Исключением являлась солеваренная промышленность. Вместе с тем, предприятия с масштабными объемами выпуска зачастую весьма

слабо были связаны с рынком, удовлетворяя потребности государства, дворцового хозяйства. В масштабах общероссийского рынка, несмотря на очевидные преимущества, большую экономическую эффективность, они пока не смогли вытеснить мелкотоварное производство.

2.3 ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI–XVII ВЕКАХ

Падение ордынского ига, становление централизованного российского государства обусловили заметный подъем хозяйства страны в первой половине XVI века. Обозначился правительственный курс на преодоление экономических последствий феодальной раздробленности. Однако разорительная Ливонская война, опричная политика Ивана IV, гражданская война и иностранная интервенция в начале XVII века существенно замедлили эти процессы, ввергнув московское государство во всеобъемлющий социально-экономический кризис.

По истечении довольно продолжительного восстановительного периода в экономике страны наметились черты, свидетельствующие о начале складывания всероссийского рынка. Сущность этого явления заключалась в том, что постепенно начинает разрушаться хозяйственная замкнутость, изоляция отдельных регионов – наследие эпохи феодальной раздробленности – и формироваться единое экономическое пространство страны.

Настоящим локомотивом концентрации, стягивания узкорегionalных рынков стала активизация внутренней торговли. Ряд в совокупности действующих демографических, экономических факторов способствовал этому. В первой половине XVII века после потрясений Смуты был вновь достигнут демографический рубеж середины XVI века – одного из наиболее благоприятных периодов в российской истории – выросло количество городов, численность их населения увеличилась более, чем в 1,5 раза, в том числе торгово-ремесленного. Все это способствовало росту спроса на ремесленную и сельскохозяйственную продукцию, углубляя процессы общественного разделения труда, товаризации (правда, с различной степенью) аграрного сектора, ремесла и промысла, укрупнения последних. Сфера обмена становится самостоятельным, функциональным элементом народного хозяйства, одним из главных источников первоначального накопления капиталов. Как уже отмечалось, фигура крупного оптового торговца постепенно становится посредником между мелким производителем и потребителем, нарушая их непосредственную связь, характерную для «классического» экономического базиса феодализма.

Выделяется и расширяется прослойка лиц, профессионально занимающихся торговлей – купечества, получившего в условиях господства сословной структуры общества свою корпоративную организацию, градирующуюся на ряд групп. Ведущие позиции в торгово-посреднической деятельности занимают гости, имевшие исключительную привилегию занятия внешнеэкономической деятельностью, а также торговые люди гостиной и суконной сотен, сосредоточившие в своих руках оптовую внутреннюю торговлю.

Растущий объем товарообмена между различными регионами страны, создававший медленно, но верно устойчивые рыночные связи ускорил и специализацию районов на производстве отдельных видов продукции. Предпосылками экономической специализации регионов становились природно-климатические условия, предопределявшие существенно меньшие издержки производства определенного товара. Потребности внутреннего рынка в потребительской продукции металлургии удовлетворялись железоделательными промыслами Устюжны Железнопольской, Тихвина, Тулы; товарное производство соли осуществлялось в Соли Вычегодской, Прикамье, Старой Руссе, на Нижней Волге; на производстве льна и пеньки специализируются Новгород, Псков, Смоленск; кожами, мясом, салом торговали в значительных масштабах в Вологде, Ярославле, Казани.

Увеличение товарности, связь с рынком проникают даже в такую консервативную отрасль сельского хозяйства как зерновое производство, которое дольше всего носило натуральный характер. Товарный хлеб, поступающий на внутренний рынок, производился в основном в Среднем Поволжье.

Впрочем, степень глубины и интенсивности хозяйственных межрегиональных связей не следует преувеличивать. В XVII веке окончательно сложилась система крепостного права; аграрный сектор, определявший социально-экономический облик страны, сохранял натуральные, по преимуществу, устои. Иначе и быть не могло при господстве феодального хозяйства, не создающего устойчивых условий для осуществления расширенного воспроизводства. Ограничивало возможности для быстрого складывания единого экономического пространства и существование такого пережитка периода феодальной раздробленности, как внутренние таможенные границы.

О начале процесса формирования всероссийского рынка свидетельствовало и то, что внутренняя торговля, в особенности оптовая, концентрировалась в рамках крупных ярмарок, экономически объединявших различные районы страны. Наиболее значительными из них были Макарьевская близ Нижнего Новгорода, Ирбитская на Урале, связывавшая европейскую часть России с Сибирью, Свенская под Брянском.

Внешнеэкономические связи московского государства со странами Западной Европы были достаточно неустойчивыми. Причина тому – целенаправленное ограничение транзитной сухопутной торговли с Россией, осуществляемое польско-литовским государством, отсутствие собственных коммерческих гаваней на балтийском побережье. Использование портов Нарвы, Ревеля, Риги лимитировалось политическими причинами, а также высокими издержками транспортировки товара при использовании исключительно иностранных посредников, торгового флота, значительном таможенном обложении. В силу этого центр внешней торговли перемещается к концу XVI века из северо-западного региона (Новгород, Псков) в Архангельск, основанный в 1587 году. Строительство здесь торгового порта, существенно расширившего возможности внешнеэкономических связей России, было обусловлено использованием английскими купцами – основными торговыми партнерами правительства Ивана Грозного – именно беломорского торгового пути, открытого экспедицией Ричарда Ченслера в 1553 году.

Основными статьями российского экспорта являлись меха, пенька, кожи, воск, древесина, полотно, поташ, смола, в меньшей степени – зерно и мясо. Из Западной Европы импортировали сукно, оружие, порох, черные и драгоценные металлы, шелк, хлопчатобумажные ткани, писчую бумагу и т.д. Таким образом, структура внешней торговли отражала экономическую слабость России, поскольку вывозились полуфабрикаты и сырье, а ввозилась, в основном, продукция мануфактурной промышленности. Несколько улучшить структуру экспорта удалось только к концу первой четверти XVIII века. Несмотря на то, что Архангельск концентрировал до 75 % внешнеторгового оборота, крайне неблагоприятные условия навигации в Белом море, удаленность этого пути от основных магистралей международной морской торговли объективно затрудняли налаживание интенсивных экономических связей со странами Западной Европы. Стремясь преодолеть изоляционизм, хозяйственную отсталость московское правительство обращает особое внимание на борьбу за обладание прибалтийскими портами, в особенности почувствовав выгоду морской торговли через Нарву в годы Ливонской войны.

Создание единого государства, начало складывания единого экономического пространства обусловили возникновение системы государственных финансов, превращающихся в самостоятельную отрасль государственного управления. Их эволюция на протяжении XVI–XVII веков развивалась в направлении централизации и упорядочения доходов и расходов государства, денежного хозяйства страны.

В центре внимания правительства всегда находилась налоговая политика, поскольку налоговые поступления составляли подавляющую часть государственных доходов. К XVII веку складывается налоговая система московского государства, достаточно сложная и громоздкая по своей структуре. Основу доходных статей бюджета составляли так называемые окладные и неокладные поступления. К окладным относились те из них, для которых предварительно назначался точный, обязательный для налогоплательщиков размер, т.е. сумма этих платежей была заранее известна.

Неокладные сборы состояли из различного рода сделок, пошлин, которые взимались при совершении сделок между частными лицами, осуществлении правосудия (судебные пошлины), обращении населения в административные органы с просьбами и обращениями. Общий размер этих поступлений заранее не был известен.

Окладные доходы состояли из прямых и косвенных налогов. Основным прямым налогом являлась «дань», органично вобравшая в себя подать, платимую древнерусским населением своим князьям, а также «ордынский выход» – дань, уплачиваемую ханам Золотой Орды. Последняя после свержения ордынского ига в 1480 году стала взиматься в свою пользу великими московскими князьями в уменьшенном размере. Оброк как разновидность прямого налога имел двойное значение. С одной стороны, под ним понимался совокупный, общий налог, накладывавшийся на определенную административно-территориальную единицу вместо различных иных налогов и пошлин. К примеру, в период проведения земской реформы в 1552 – 1556 годах под оброком понимали денежные платежи правительству со стороны местного населения, заменившие собой натуральную обязанность содержать местную администрацию («наместничь корм»), а также разнообразные пошлины, взимаемые в свою пользу кормленщиками (судебные, свадебные). С другой, – это была плата за предоставление частным лицам права заниматься какими-либо промыслами, доходы от использования казенного имущества в хозяйственном обороте.

Дань и оброк в общей группе окладных налогов отличались строго фиксированным размером, в то время как сумма иных прямых налоговых изъятий могла варьировать из года в год, по усмотрению верховной власти. К числу последних можно отнести налоги, вызванные к жизни различными потребностями государства. Возникают они в основном в XVI веке. Это так называемые емчужные деньги, расходовавшиеся на закупку пороха, пищальные деньги, направляющиеся на приобретение огнестрельного оружия. К середине XVI века с учреждением стрелецкого войска они предназначаются для его содержания. Первоначально этот налог собирался в натуральной форме – рожью и овсом («стрелецкий корм»).

В силу резкого увеличения в XVII веке численности стрелецкого корпуса, а также в связи с тем, что зерновой сбор зачастую существенно сокращал потребление местного населения в нечерноземной полосе, стрелецкая подать в большей мере стала собираться деньгами. Во второй половине XVII века стрелецкие деньги стали одним из важнейших видов прямых налогов. Ямские деньги собирались для содержания почтовой службы, провоза послов, государственных чиновников. Первоначально это также была натуральная государственная повинность, состоявшая в обязанности крестьян и посадских людей доставлять подводы и людей для почтово-транспортного сообщения. Своими корнями она уходит еще в период господства татаро-монгольского ига, когда подводы необходимо было поставить ордынским чиновникам. Полоняничные деньги предназначались для выкупа у турок и татар пленников. До середины XVII века налог собирался нерегулярно, с 1649 года стал постоянным.

Перевод целого ряда натуральных государственных повинностей и сборов в денежную форму стал показателем развивающегося процесса становления товарно-денежных отношений в рамках феодального по своей природе хозяйственного организма страны.

Вышеперечисленные прямые налоги, за исключением полоняничных денег, в Московском государстве приходились непосредственно не на отдельных физических лиц, а на совокупность налогоплательщиков, объединявшихся в крестьянские волостные и посадские общины, а точнее – совокупность их хозяйств. Денежные и натуральные повинности, накладывавшиеся на общину, именовались тяглом. В зависимости от отношения к тяглу формируются «податные» и «неподатные» сословия. Основанием для отнесения к неподатному, привилегированному сословию являлся факт государственной, военной или гражданской, службы, (хотя во второй половине XVII века мелкие служащие люди «по прибору» были включены в тягло), а также придворный, дворцовой. Между тем, даже в рамках податных сословий корпус налогоплательщиков не был постоянным.

Крестьяне или посадский человек мог избежать участия в уплате государственных налогов и отбывании повинностей, продав самого себя в холопы частному лицу, перейдя на новое место жительства в частнофеодальные городские («белые слободы») и сельские земельные владения. Владельцами «белых слобод», деревень и сел являлись представители аристократии, а также крупные монастыри. С конца XV века государство в фискальных целях проводит политику, хотя и не всегда последовательно, ограничения иммунитетных привилегий светских и духовных феодалов.

В течении XVI века большинство «тарханных» грамот, освобождавших феодальные владения от государственных повинностей, было пересмотрено. Пиком подобной политики стало Соборное Уложение 1649 года, которое ликвидировало в городах «белые свободы», переводя их торгово-ремесленное население в разряд посадского, т.е. включив в тягло, а также запретившее духовным феодалам расширять свои земельные владения.

Главным предметом прямого налогообложения становятся средства, объекты хозяйственной деятельности – обрабатываемые крестьянские земли и посадские двory с принадлежащими им торговыми промыслами. Источником сведений о налогоплательщиках служили «писцовые» книги, в которых описывались подробно городские и сельские поселения, тяглые двory, их составляющие, торгово-промышленные заведения, пахотные и непахотные земли, сельскохозяйственные угодья, находящиеся во владении или пользовании двory, т.е. в писцовых книгах фиксировалась в основном подлежащая налогообложению недвижимость, а также население тяглых двory. На основе данных писцовых книг устанавливалась общегосударственная податная единица – «большая соха», включавшая в себя определенную площадь пахотной земли в сельских селениях и определенное количество двory в посадах. Причем правительство старалось учесть налоговый потенциал плательщиков, проявляя немалую гибкость.

Величина «большой сохи» для сельской местности варьировалась в зависимости от качества земли и привилегированности землевладельцев. На «черных» государственных землях соха включала 500 четвертей «доброй» земли, монастырских – 700 четвертей, поместных, вотчинных и дворцовых – 800 четвертей. Подобная дифференциация проводилась потому, что владельческие крестьяне, помимо государственных повинностей, платили феодальную ренту землевладельцам. Особые льготы для поместных и вотчинных земель объяснялись тем, что их владельцы несли обязательную военную службу в пользу государства. Поэтому феодальная рента рассматривалась как своего рода государственное вознаграждение за счет части государственных доходов. Градация по качеству земли предполагала ее разделение на «добрую» и «худую». В «большой сохе» содержалось разное количество этих категорий земли. Причем качество земли зависело отнюдь не от плодородия почв, а от доходности пахотной земли.

В посадах в «большой сохе» число двory определялось в зависимости от их имущественного положения, располагаемого капитала. В этой связи хозяева двory делились на лучших, средних, молодых, исхудалых людей и бобылей. Их двory объединялись в сохи в определенном соотношении: 1 соха составляла 40 лучших двory, 80 средних, 160 молодых, 320 исхудалых и 960 бобыльских. Но даже в указанном соотношении состав посадской сохи не был одинаковым в разных регионах страны. Оклад прямых налогов приходился на соху. Тяглые люди самостоятельно осуществляли «разруб» оклада по двoryм. Сельская община раскладывала тягло между своими членами сообразно количеству рабочих рук в рамках двора и количеству обрабатываемой земли.

Важным недостатком посошной формы прямого налогообложения стало отсутствие оперативного учета изменений в количестве плательщиков и объектов обложения. Последние могли составлять постоянную налогооблагаемую базу только при наличии работников. Уход посадского человека, сокращение крестьянином запашки, полное забрасывание пашни, аренда нетяглой земли уменьшали налоговые поступления. Это и подтвердила происходившая в 1620-е годы перепись, предпринятая с целью обновить сведения, содержащиеся в писцовых книгах. Тогда вместо «большой сохи» все чаще стали использовать новую податную единицу – так называемую «живущую четверть», в состав которой включались как реально обрабатываемая пашня, так и подлежащие обложению посадские и крестьянские двory.

Увеличение государственных расходов на содержание активно реформируемой армии, ведение продолжительных и дорогостоящих войн побудили московское правительство к введению более оптимальной податной единицы – крестьянского и посадского двора. Первая подворная перепись, отразившаяся в переписных книгах, была проведена в 1646 году. Однако окончательно подворное обложение

было введено только в 1679–1680 годах. Переход к новой податной единице позволил достичь пика налоговой мобилизации в XVII веке, расширить состав налогоплательщиков за счет холопов, не несущих государственных повинностей.

Последние, являясь частной собственностью своих хозяев, нередко сажались ими на землю. Их труд на земле в отсутствие тяглого крестьянина, при сокращении им запашки приносил реальные доходы феодалам, но отнюдь не казне. Теперь они были включены в тягло наравне с крестьянами. Подворное налогообложение позволило перейти к налоговой эксплуатации не хозяйственных объектов и средств, а рабочих рук плательщиков.

Вместе с тем наметились определенные недостатки новой податной единицы. Четко не был установлен критерий выделения двора. Количество дворов было принято обозначать количеством ворот. Уклонение от налогообложения, нередко поощряемое землевладельцами, шло по пути сгущения крестьянских дворов в рамках одних ворот, замедления крестьянских и посадских переделов.

В случае резкого увеличения государственных расходов, когда чувствовался недостаток обычных налоговых поступлений, на протяжении XVII века несколько раз прибегали к чрезвычайному налогообложению – взиманию пятой, десятой, пятнадцатой и двадцатой деньги. Плательщиками являлись торговые люди. Наиболее тяжелой являлась «пятина». При всей туманности определения объекта обложения («от животов и промыслов») специальные чиновники предпочитали облагать движимое имущество либо деньгами, либо пятой частью товаров. К чрезвычайным налогам относились и так называемые «запросные» деньги, в добровольно-принудительном порядке собиравшиеся с лиц, принадлежащим к привилегированным неподатным сословиям.

Наибольшие поступления в государственную казну давали все же косвенные налоги, главными из которых были торговые и кабацкие сборы. Среди торговых пошлин выделились таможенные и проезжие. Важнейшей из таможенных пошлин была «тамга», взимаемая со всех привозимых на торг и продававшихся товаров. Главной проезжей пошлиной являлось «мыто», которое взымали с провозимых товаров, прогоняемого скота, проезжавших людей. Распространено было и так называемое «побережное», собираемое, когда судно причаливало к берегу. В середине XVII века все многочисленные торговые пошлины были объединены в «рублевую» пошлину, которая представляла собой сбор в пять копеек с рубля цены продаваемых товаров. Стабильно высокие доходы давали «кабацкие» сборы. По сути, это был фискальный монопольный налог, поскольку производство и продажа алкогольной продукции объявлялись государственной монополией. В этом случае управлять государственными «кружечными» дворами приставлялись представители посадского населения и купечества – «верные головы» и «целовальники». В XVII веке при взимании «кабацких» сборов несколько раз прибегали к системе откупов.

Интересные опыты в области налогообложения московское правительство провело в 1646 году. Это было время поиска наиболее оптимальной податной единицы прямого налогообложения, когда остро стояла проблема пополнения государственных доходов. Правительственные финансисты здраво рассудили, что психологически рядовому плательщику легче внести косвенный налог, представлявший собой надбавку к цене товара и облагавший потребление, чем прямой, облагавший труд и имущество. Тогда были отменены наиболее обременительные прямые налоги – стрелецкие и ямские деньги и заменены косвенной пошлиной на продаваемую соль. Выбор соли в качестве подакцизного товара был обусловлен постоянно высоким спросом, который предъявлялся на нее на внутреннем рынке. Ожидалось, что это принесет дополнительные доходы, которые покроют недоимки по прямому налогообложению. Однако оптимистические прогнозы не оправдались. Проявляя гибкость при оценке имущественного положения налогоплательщиков в случае установления податной единицы прямого налогообложения, инициаторы повышения пошлин на соль не проанализировали предвари-

тельно состояния платежеспособности населения. Увеличение пошлин в четыре раза далеко превышало тот критический уровень, при котором повышение налогообложения, пусть и косвенного, обеспечивает увеличение казенных доходов. Спрос на резко вздорожавшую соль резко упал, так что казна не получила ожидаемые поступления, оказавшись даже в убытке из-за отмены важнейших прямых налогов. Финансовые мероприятия вызвали и настоящий социальный взрыв – Соляной бунт 1648 года в Москве.

Дополнительный доход казне приносила монетная регалия, т.е. право чеканки монеты. Прибыль от этого возможно было получать манипулируя качеством монеты. Основным условием для этого была централизация денежного хозяйства. Первый шаг на пути к этому был сделан в период проведения денежной реформы правительством Елены Глинской. Причины ее объяснялись негативными последствиями децентрализации денежной системы в период феодальной раздробленности: нахождении в обращении одновременно с московскими и новгородскими монетами, составлявшими московский счетный рубль (100 новгородок и 200 московок, соотносящихся по весу как 1:2), монет иных центров феодальной чеканки, разнообразных по весу. Вытеснение московским иных счетных рублей породило соблазн подогнать под его весовую норму все обращающиеся монеты, прибегая к порче монеты путем срезания с нее части серебра.

В результате страну наводнила масса недоброкачественных монет.

Суть реформы сводилась к изъятию из обращения старой монеты и чеканки новой по стандартной весовой норме. Одновременно при сохранении номинала вес серебряных монет был несколько облегчен. Вместо

0,79 г. в прежней новгородке в приравненной к ней новой (копейке) содержалось 0,68 г. серебра; 0,38 в прежней московке – 0,34 г.; 0,19 – 0,2 г. в прежней колушке – 0,17 г. Увеличивался разрыв между рыночной стоимостью металла, затраченного на изготовление монеты и ее номиналом.

В дальнейшем весовое содержание драгоценного металла в монете все более сокращалось из-за дефицита наличных денег, вызванного отсутствием собственных источников добычи серебра, зависимостью от экспорта монетного сырья. Параллельно степень централизации денежного хозяйства все более увеличивалась. В конце XVI века сильно стеснено было право частного заказа на перечеканку в монеты серебра, а после Смуты оно и вовсе было ликвидировано. Государство окончательно стало монополистом в деле денежной чеканки, присвоив себе все доходы от использования монетной регалии.

Масштабное увеличение государственных расходов, сопряженное с традиционной нехваткой наличности вообще, и для их покрытия в частности, подтолкнули правительство провести в 1654 – 1656 годах денежную реформу. Первоначальной ее целью была перестройка всей денежной системы. Решено было ввести для удобства совершения масштабных сделок крупные капиталы. Объективно этого требовал рынок, поскольку совершение подобных сделок на старую мизерную монету приносило огромные затруднения. Импортируемые иоахамсталеры перечеканивались непосредственно в серебряные рубли, причем между монетами был установлен весовой паритет (28 – 29 г.). Однако сохранявшийся старый весовой серебряный рубль весил 45 – 47 г. В результате новый рубль сразу становился неполноценным, население не принимало его. Попытка совместить в одной денежной системе номиналы, имеющие различную ценность провалилась.

Компромиссное решение было принято в 1655 году. Иоахамсталер (ефимок) перечеканивался в 64-копеечник. На него наносили изображение копейки и в таком виде пускали в обращение. Ефимок, таким образом, был приравнен к тому количеству копеек, которое являлось эквивалентным его весу, в которое его можно было перечеканить. Казна не теряла многого, поскольку на рынке талер обращался по 40 – 42 копейке. Новшеством было то, что в обращение поступила медная монета, имевшая вес и форму, аналогичную серебряной и приравненную к ней, т.е. с принудительным курсом. По сути это

была реализация идеи государственного кредита, что было само по себе не ново. Первоначально монеты из дешевого сырья получили доверие населения, что объяснялось давностью обращения легкой монеты на рынке и привычностью населения к целенаправленной государственной политике по порче монеты. Однако стабильность новых кредитных денег могла быть обеспечена только свободным их обменом на серебряные и строгим контролем за их эмиссией. Эти два условия соблюдены не были. Фискальная направленность реформы привела в конце концов к ее краху. Во-первых, увлекшись получением большого эмиссионного дохода, который давала чеканка монеты с принудительным курсом, допустили непомерное разбухание массы медных денег, явно несоответствующей обычным доходам государства. К тому же начались многочисленные махинации, когда частные лица привозили дешевую медь на монетный двор и за взятки перечеканивали ее. Во-вторых, возможность обращения медной монеты искусственно ограничивалась. Казна принимала платежи только серебряной монетой, в то же время принудительно скупала на медные деньги экспортные товары у купцов, чтобы продавать их иностранцам за иоахамсталеры. Это приводило к разорению купцов, поскольку иностранцы медные монеты не принимали. Совокупность всех обстоятельств привела к тому, что реальный рыночный и официальный курсы медных денег стали сильно различаться. К 1662 году за 1 серебряную копейку давали уже 15 медных. Существование двух параллельных курсов обернулось полным расстройством обращения, стремительной дороговизной и ростом социальной напряженности, вылившейся летом 1662 года в Медный бунт. Основной причиной провала реформы стало игнорирование законов денежного обращения, вера в то, что верховная власть, движимая фискальными целями, своей силой сможет поддерживать курс кредитных денег.

Результаты финансовой деятельности московского государства отразились в прообразе первого бюджета 1680 года. Общие доходы насчитывали 1203 тыс. рублей, расходы – 1125 тыс. рублей. Система доходов выглядела следующим образом:

- прямые налоги – 44 % доходов (из них чрезвычайные – 16 %);
- косвенные налоги – 53,3 % доходов;
- прочие доходы – 2,7 % доходов.

Основная часть средств расходовалась на нужды вооруженных сил (700 тыс. рублей), содержание дворца забирало 15 % государственных доходов. Менее 5 % тратилось на общественное строительство, содержание почтовой службы. Хотя своеобразный бюджет был сведен с некоторым профицитом, тревожным симптомом стал постоянный рост недоимок за истекшие годы.

3 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ПЕТРА I

3.1 Состояние экономики России накануне петровских реформ

В XVIII век Россия вступала огромной континентальной державой, раскинувшейся от берегов Днепра до Тихого океана, с низкой плотностью населения и слабо развитой экономикой. Главным сектором экономики страны являлся аграрный, в котором была занята подавляющая масса населения, составлявшего, по некоторым подсчетам, в последней четверти XVII века около 10,5 млн. человек. Труд крестьянина на земле был малопродуктивным, обеспечивая лишь необходимый минимум средств для его жизнедеятельности. Натуральный характер российского сельского хозяйства в XVII веке был обусловлен рядом причин, прежде всего, неблагоприятными природно-климатическими условиями, пагубно влиявшими на урожайность, низким уровнем агрикультуры, развитием крепостнических отношений, малой емкостью внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции. Увеличение объемов про-

изводства продукции сельского хозяйства страны в XVII веке достигалось всецело за счет вовлечения в хозяйственный оборот новых земель (районы Центрального Черноземья, Среднего Поволжья, Урала и Сибири). Однако при экстенсивном способе земледелия эти усилия очень незначительно влияли на рост товарности продукции сельского хозяйства, поскольку сводились на нет параллельным процессом естественного прироста населения.

Важнейшим итогом экономического развития России в XVII веке стало появление крупного производства – мануфактур и начавшийся процесс складывания всероссийского рынка. Созданная по инициативе государства крупная промышленность призвана была удовлетворить военно-хозяйственные потребности страны. В конце XVII века в России действовала одна парусно-полотняная и немногим более десятка металлургических мануфактур, вклад которых в развитие экономики страны был очень ограниченным.

Гораздо большее значение для экономики России имело развитие мелкотоварного производства на базе роста ремесла и крестьянских промыслов. В русских городах во второй половине XVII века наблюдалось увеличение числа ремесленников, расширение круга ремесленных специальностей. Именно мелкое товарное производство сыграло решающую роль в возникновении всероссийского рынка. Однако этот процесс сильно тормозился все еще слабым развитием общественного разделения труда, наличием многочисленных внутренних таможенных барьеров, плохим состоянием путей сообщения, крепостническим законодательством, препятствовавшим свободе торговли. Негативно на возможность накопления денежных средств и укрупнения масштабов производства влияли его сезонность (поскольку городской ремесленник все еще в значительной мере оставался земледельцем) и тяжелый государственный налоговый пресс, давивший на посад.

Несмотря на постепенный рост на протяжении XVII столетия внутри- и внешнеторгового оборота страны, чему, в частности, способствовали принятые правительством в 1653 и 1667 годах протекционистские Торговый и Новоторговый уставы, уровень развития русской торговли сильно отставал от показателей передовых европейских государств. Сухопутная торговля в России носила преимущественно сезонный характер из-за неблагоприятных природно-климатических условий и плохого состояния путей сообщения. Морская же крупно-оптовая торговля, дававшая в средневековье и начале Нового времени наибольший экономический эффект для государства, была уязвимым местом русской экономики. Отрезанная от Балтийского и Черного морей, Россия не имела удобного морского сообщения с развитыми европейскими странами. Единственным морским портом страны в XVII веке, через который осуществлялась торговля со странами Запада, был Архангельск, расположенный в северных широтах и потому доступный для судов лишь ограниченное время в году. Внешняя торговля России почти полностью находилась в руках иностранных купцов, поскольку русское купечество не располагало ни торговыми судами, ни необходимыми финансовыми средствами, чтобы конкурировать с европейскими торговыми компаниями. Это оборачивалось серьезными финансовыми потерями для экономики страны, хозяйственной замкнутостью России. Низкий, по сравнению с ведущими странами Западной Европы, уровень развития отечественной экономики отражала и структура внешнеторгового оборота страны: в русском импорте преобладали промышленные изделия из Европы, тогда как в экспорте – сельскохозяйственное сырье и полуфабрикаты.

К рубежу XVII – XVIII веков Россия исчерпала возможность поступательного экономического развития в режиме самоизоляции. Перед правительством Петра I встала задача ликвидации социально-экономической отсталости страны по сравнению с передовыми государствами Запада, укрепления ее международных торговых и культурных связей. Политика Петра, направленная на получение Россией выхода к морям, с целью реализации перечисленных задач, поставившая страну перед необходимостью ведения тяжелой войны со Швецией, потребовала ускоренной перестройки русской экономики уже на начальном этапе петровских реформ.

3.2 ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В наименьшей степени петровские преобразования затронули сферу сельского хозяйства, в которой в описываемую эпоху было занято свыше 90 % населения страны. Несмотря на господство традицион-

ных способов земледелия (трехпольного севооборота, экстенсивного характера производства) и рутинных орудий труда, необходимость удовлетворения потребности растущей промышленности и армии в сельскохозяйственной продукции и сырье, заставившая государство встать на путь более активного вмешательства в аграрный сектор экономики, вызвала и здесь некоторые перемены, хотя и незначительные.

Так, с целью удовлетворения растущего спроса суконных мануфактур на шерсть, правительство предприняло большие усилия по развитию в стране овцеводства, в частности по созданию на Украине крупных овцеводческих ферм. Были разработаны правила содержания, кормления и стрижки овец. Для производства тонкого высококачественного сукна специально выписывались породистые овцы из Испании и Саксонии.

Развитие текстильных мануфактур заставило правительство принять меры по расширению посевов льна и конопли. Указ 1715 года предписывал сеять лен и коноплю во всех губерниях страны, увеличив посеvy этих культур в старых льноводческих районах в два раза.

Другими важными мерами правительства стали внедрение в практику жатвы хлеба вместо традиционного серпа литовской косы, которая за несколько десятилетий получила широкое распространение в черноземных и степных районах; разведение новых пород рогатого скота, вывезенного из Голландии; организация конных заводов (в Азовской, Киевской и Казанской губерниях) с «персидскими», «немецкими», арабскими породами лошадей; расширение на юге страны посадок тутовых деревьев для разведения шелковичных червей на фермах в Москве и под Царицыном. Наконец, казна энергично содействовала развитию садоводства: образцовые и экспериментальные базы садоводства существовали в Астрахани, Красном Яру, под Киевом, на Дону и в других местах. Поощрялось частное садоводство. Помимо Москвы, «аптекарские огороды» были созданы в Петербурге, Астрахани, Лубнах. Необходимо отметить, что большинство этих нововведений никак не затрагивало базы российского сельского хозяйства – крестьянского хозяйства, ведущегося традиционными способами.

В первой четверти XVIII века продолжалось расширение географии земледельческих регионов страны. Традиционным центром земледелия являлся Центрально-промышленный регион. Кроме того, в конце XVII – первой четверти XVIII века интенсивно осваивались земли Центрально-земледельческого региона и Среднего Поволжья. Колонизационный поток земледельцев активно двигался в Северное Приуралье и Сибирь. Однако освоение плодородных земель Центрального Черноземья (будущих Воронежской и Тамбовской губерний) и Нижнего Поволжья в петровскую эпоху происходило медленно, главным образом из-за угрозы татарских и ногайских набегов.

3.3 ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

Эпоха Петра I – время дальнейшего роста дворянского землевладения. пожалование земель в этот период происходило уже не за службу (дворяне со времен Петра стали получать денежное жалование), а за особые заслуги. Тем не менее, размеры земельных и душевых раздач были впечатляющими. За 1682 – 1710 годы только из дворцового фонда было роздано 273 волости с 43,9 тыс. дворов. Петр I щедро наделял крепостными как своих ближайших сподвижников (А.Д. Меншиков до 1710 года получил 2157 дворов, Б.П. Шереметев – 2408, Я.В. Брюс – 634 и т.д.), так и знатных иммигрантов (грузинский царь Арчил Вахтангович получил 3300 дворов, молдавский господарь Дмитрий Кантемир – 700, сыновья князя М.Я. Черкасского – 7000 дворов и т.п.). По мнению некоторых ученых, из дворцового фонда Петром I было роздано в частные руки около 175 тыс. душ мужского пола (д.м.п.). Одним только А.Д. Меншиковым к концу правления Петра было приобретено до 100 тыс. д.м.п. В целом, по данным первой ревизии (1722 – 1724 годов) общая численность помещичьих крестьян в России составила 3 193 085 д.м.п. или 59 % от численности мужской части крестьянского сословия.

За первую четверть XVIII века произошло значительное увеличение – в 2 – 4 раза, численности дворян-землевладельцев, которая к 1719 – 1727 годам достигла 64 471 человека. В петровскую эпоху в ряды дворянства влилось много лиц незнатного происхождения – в первую очередь военных, достигших привилегированного положения благодаря личным заслугам. Большая часть помещиков – 38 310 человек или 59,5 % являлись владельцами не более 20 д.м.п. Им принадлежало в общей сложности 304 874 д.м.п. крепостных крестьян (9,5 %). Помещиков, имевших не более 100 д.м.п. крепостных крестьян, насчитывалось 58 835 человек, что составляло 91,3 % землевладельцев. Лишь 5019 человек (7,9 %) обладали от 100 до 500 д.м.п. и только 617 человек (0,96 %) – свыше 500 д.м.п. крепостных крестьян. В то же время в руках этой последней категории крупнейших землевладельцев к началу 1720-х

годов в общей сложности было сосредоточено 788 тыс. д.м.п. или 24,7 % всех помещичьих крепостных в России.

Увеличение численности класса землевладельцев в первой четверти XVIII века стало возможным не только благодаря процессу дробления поместий и вотчин, но и, в большой мере, благодаря развитию крепостного права «вширь», иначе – расширению географии земельных раздач. В период правления Петра I дворянство в основном получало в раздачу вновь осваиваемые земли юга и Среднего Поволжья, превращая живших там поселенцев в крепостных.

Важное значение для развития помещичьего хозяйства имел изданный в 1714 году указ о единонаследии, который уравнивал статус поместья и вотчины, объявляя и то и другое наследственным владением. Указ стимулировал развитие собственно господского хозяйства, способствуя втягиванию землевладельцев в товарно-денежные отношения. Именно в первой четверти XVIII века появляются первые хозяйственные инструкции помещиков своим приказчикам (наставления об уходе за скотом, о сроках выполнения сельскохозяйственных работ, порядке удобрения полей навозом и др.).

Особенностью помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века являлось сочетание различных форм феодальной эксплуатации зависимых крестьян, размеры которой несколько выросли. Наиболее была распространена трехдневная барщина (к барщинным работам привлекалось до 62 % помещичьих крестьян) в сочетании с натуральным оброком. Размер денежного оброка, получавшего все большее распространение в северо-западных и центральных регионах страны – районах традиционных крестьянских промыслов, в среднем составлял 40 копеек в год. Кроме того, крестьяне, переведенные на денежную ренту, поставляли помещику столовые припасы, т.е. платили тот же натуральный оброк. В целом, общий уровень феодальной эксплуатации помещичьих крестьян еще оставался сравнительно невысоким, а кризисные явления в феодально-крепостнической системе – незаметными.

3.4 СТАНОВЛЕНИЕ КРУПНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В первой четверти XVIII века Россия совершила гигантский скачок в сфере промышленного развития: в стране было создано мануфактурное производство, т.е. крупное специализированное производство на базе ручного труда. Меры правительства по ускоренному развитию крупного производства в первое время были связаны не столько с общей задачей подтягивания экономики страны к уровню передовых европейских государств, сколько с необходимостью повышения обороноспособности государства для победоносного окончания войны со Швецией. Поэтому главной задачей крупного производства в России примерно до середины второго десятилетия XVIII века являлось выполнение военных заказов казны, т.е. выпуск вооружения, боеприпасов, экипировки и т.д. Лишь в последнее десятилетие петровского царствования начался рост числа мануфактур, производящих товары для населения: игральные карты, краски, курительные трубки и т.п.

Промышленному развитию России в первой четверти XVIII века были присущи определенные особенности. По причине отсутствия у русского купечества необходимых капиталов, основателем мануфактур до середины второго десятилетия XVIII века преимущественно выступала казна. Впоследствии инициатива перешла к частным лицам. Также два этапа можно выделить в промышленной политике правительства. На первом, продолжавшемся примерно до 1717 года, единственным способом привлечения купеческих капиталов в сферу производства была передача купцам на льготных условиях казенных предприятий, как это, например, было сделано с Невьянским заводом на Урале, переданным в 1702 году Н. Демидову. Государство выделяло предпринимателям льготные ссуды, земельные участки для строительства новых заводов, обеспечивало предприятия рабочей силой, в том числе иностранными специалистами, оборудованием, организовывало обучение за рубежом. В то же время государственные монополии на продажу ходовых товаров, выполнение купечеством разнообразных правительственных поручений и уплата многочисленных налогов серьезно тормозили развитие частичной инициативы в промышленности в этот период. С 1717 года государство отказалось от монополии на торговлю рядом ходовых товаров и освободило от казенных служб владельцев мануфактур. С целью ограждения русских мануфактуристов от конкуренции зарубежных производителей правительство приняло в 1724 году новый таможенный тариф, носивший ярко выраженный протекционистский характер. Тариф устанавливал высокие ввозные пошлины на те виды товаров, которые производились в достаточном количестве на

отечественных предприятиях. В это же время государство упорядочило систему управления крупным производством, создав для этого в 1719 году специальные органы – Мануфактур-коллегию и Берг-коллегию (ведала горным делом). Оба ведомства следили за размерами производства, его организацией, за качеством продукции.

Наибольшие успехи были достигнуты в развитии таких отраслей как металлургия, текстильное и парусно-полотняное производство, игравших огромную роль в укреплении обороноспособности страны.

Строительство металлургических заводов – железоделательных и медеплавильных мануфактур традиционно велось в центре страны, где в 1702 – 1707 годах были построены Липецкие, Козминские и Боринские заводы, и в Карелии, где в 1703 – 1705 годах вошли в строй Петровский, Повенецкий и Кончезерский заводы. В Белозерском уезде были построены Тырпицкие заводы боеприпасов. Там же, на севере, было заведено медеплавильное производство. Однако наиболее интенсивное строительство новых предприятий велось на Урале, который превратился в крупнейшую металлургическую базу страны. В 1700 – 1704 годах там были построены Невьянский, Каменский, Уктусский и Алапаевский заводы, производившие железо, чугун, пушки и ядра. В 1723 – 1725 годах была построена новая группа уральских заводов: Екатеринбургские, Толмачевский и Аннинский железоделательные заводы. В 1720-е годы на Урале резко возросло число медеплавильных заводов, принадлежащих как казне, так и частным лицам. В частности, в Верхотурском уезде на базе Кунгурского месторождения меди казной были построены Ягушихинский, Лялинский, Вышне- и Нижне- Пыскорские и Полевский заводы. Наконец, в 1704 году в Сибири в Нерчинске был основан крупный завод по добыче серебра, что имело важное значение для укрепления денежной системы страны.

Помимо казенных предприятий, в царствование Петра I было построено довольно много частных железоделательных и медеплавильных мануфактур в центральной России, на Урале и в Сибири. В итоге, к 1725 году Россия по производству черных металлов вышла на третье место в Европе. За четверть века выплавка чугуна в стране возросла со 150 до 800 тыс. пудов. Русская металлургия сумела полностью удовлетворить внутренний спрос в железе, и с 1722 года начался его экспорт за рубеж. Уральское железо, мягкое в ковке, пользовалось устойчивым спросом за границей.

Создание отечественной металлургии потребовало от правительства принятия энергичных мер по разысканию и разработке новых месторождений полезных ископаемых. Государство всячески поощряло поиск новых месторождений, выдавая щедрое вознаграждение их открывателям. Был объявлен принцип «горной свободы», по которому любой желающий мог разрабатывать недра за небольшую плату в пользу их земельного собственника.

В первой четверти XVIII века в силу непрерывного роста численности армии и флота быстрыми темпами развивалась текстильная и парусно-полотняная промышленность. В 20-е годы число текстильных мануфактур достигло 40. Ряд казенных предприятий был передан купеческим компаниям. Возникли и частные текстильные фабрики, некоторые из которых, по тем временам, являлись достаточно крупными производствами, имея по 200 и более ткацких станов. Абсолютное большинство текстильных мануфактур располагалось в центре страны.

Под влиянием армейских нужд развивалось суконное производство. Крупнейшим производителем сукна в стране являлся Московский суконный двор, где в 20-е годы XVIII века работало свыше 1 тыс. человек. Кроме того, крупное суконное производство возникло в Казани, Липецке и Путивльском уезде.

Потребность развивающейся промышленности в продукции химических производств – сере, купоросе, скипидаре, красителях стала толчком к строительству химических предприятий. Среди этих небольших по размеру производств выделялись крупные заводы по производству пороха, построенные в Петербурге, Подмосковье и на Левобережной Украине.

Задача постройки сильного русского военно-морского флота потребовала создания новой отрасли – кораблестроения. С этой целью в Москве, Архангельске, Воронеже, на Олонце, в Петербурге были сооружены крупные судостроительные верфи.

В общей сложности, в период правления Петра I в России было построено около 180 мануфактур и крупных предприятий ремесленного типа. В середине 1720-х годов в стране насчитывалось 205 круп-

ных производств (по мнению Н.И. Павленко лишь половину из них можно отнести к мануфактурам), из которых 90 принадлежали казне и 115 – частным лицам. Больше всего предприятий насчитывалось в такой отрасли как металлургия – 69 (из них 52 в черной металлургии и 17 в цветной). Кроме того, в стране насчитывалось 18 лесопильных предприятий, 17 – пороховых, 15 – суконных, 11 – кожевенных, а также предприятия по производству стекла, бумаги и т. д.

Развитие промышленного производства в России очень скоро поставило перед государством и частным капиталом проблему комплектования предприятий рабочей силой. Рынок труда был крайне узок, и если первое время рабочие кадры для мануфактур набирались из так называемых «гулящих людей», то вскоре эти резервы оказались исчерпаны. Государство решило эту проблему с помощью принудительных мер – приписав к заводам близлежащие деревни государственных крестьян, которые в счет уплаты государственных податей и выполнения натуральных повинностей были обязаны выполнять вспомогательные заводские работы: подвозить руду из шахт, заготавливать древесный уголь и т.п. В первой четверти XVIII века число таких «приписных крестьян» достигло на Урале 25 тыс. д.м.п. Однако закрепление за предприятиями лиц, занятых на вспомогательных работах, не решало всех проблем. Мануфактуристы требовали прикрепления к заводам квалифицированных кадров, в которых ощущалась острая нехватка. В 1721 году правительство пошло им навстречу, разрешив недворянам покупать к предприятиям крепостных. Так возникла новая категория крестьян – «посессионных». Такие крестьяне навечно прикреплялись не к владельцу предприятия, а к самому предприятию, т.е. подлежали продаже только вместе с самим предприятием. В 1722 году владельцам мануфактур была предоставлена новая привилегия – право не возвращать помещикам беглых, овладевших производственным мастерством. В 1736 году был издан указ, навечно закрепивший за предприятиями всех, числящихся на момент издания указа, наемных работников, получивших наименование вечноотданных. В итоге в промышленности стал господствовать крепостной труд.

Таким образом, промышленная политика правительства в первой четверти XVIII века носила неоднозначный характер. С одной стороны, она способствовала невиданному до этого росту производительных сил в стране, что имело безусловно прогрессивное значение. С другой стороны, промышленный рост осуществлялся на основе использования ресурсов феодальной системы – на базе широкого применения принудительного труда, за счет ухудшения положения народных масс. Однако другого пути Россия тогда не имела.

3.5 МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО И РЕМЕСЛО

Несмотря на впечатляющие успехи в развитии мануфактурного производства в России в петровскую эпоху, крупная промышленность была в состоянии удовлетворить лишь малую долю спроса населения на промышленные изделия. Основную часть промышленной продукции по-прежнему составляли мелкие производители – городские и сельские ремесленники.

Темпы развития ремесленного производства в России были сравнительно невелики. Причиной этого являлись как немногочисленность городского населения страны, так и слабое развитие производительных сил в аграрном секторе ее экономики, в силу чего ремесленное производство носило, в значительной мере, сезонный характер. Так, городской ремесленник в XVIII веке был вынужден заниматься земледельческим трудом, имея собственный огород и скот. В то же время сельский житель имел возможность заняться промышленным трудом лишь в перерывах между активными сельскохозяйственными работами – в среднем около 6 месяцев в году. Емкость рынка мелкотоварного производства была невелика по причине натурального характера крестьянского хозяйства – основы жизнедеятельности абсолютной массы населения России. В итоге предложение ремесленного труда нередко превышало спрос.

Перечень ремесленных специальностей был довольно обширен и в основном связан с изготовлением предметов домашнего обихода и крестьянского хозяйства. В начале XVIII века появились но-

вые специальности, связанные с внедрением европейских новшеств в быту: каретники, парикмахеры, переплетчики, позументщики, табакерщики, часовщики, шляпочники и т.д.

Наибольшее развитие в сфере мелкого производства получили металлообработка, текстильные промыслы, сукноваление, выделка кож, мехов и шкур, сапожное дело.

Наличие в северо-западной и центральной части страны многочисленных болотных месторождений железной руды способствовало развитию в этих районах ремесла и крестьянских промыслов, связанных с металлообработкой. Кузнечное и плавильное дело получило распространение в таких городах как Белоозеро, Галич, Дедилов, Елец, Липецк, Серпухов, Тула, Устюжна Железопольская, а так же в ряде промысловых сел (Ворсма, Павлово и др.). В Павлове было развито производство замков и ножей, в Москве и Туле – оружейное дело, в Ярославле – изготовление медной и оловянной посуды, а так же литье колоколов. Значительное развитие получило серебряное ювелирное дело. Крупнейшим ремесленным центром страны являлась Москва, в которой в конце первой четверти XVIII века было сосредоточено около 7 тыс. ремесленников. Свыше 2,5 тыс. ремесленников было в Петербурге.

Выделка домашних сукон получила особенное распространение в южнорусских и украинских регионах. Мелкие производители выделяли не только грубое сукно, но и такие материалы как каразея, камлот, стамед.

Крупнейшим центром по выделке кож был Ярославль, куда свозили невыделанные кожи со всей страны. По мере развития Петербургского порта зона распространения кожевенных заводов стала расширяться. На экспорт шли юфть, сафьян, подошвенные кожи. Много кожи закупала казна для армейского обмундирования.

Массовое распространение, особенно в центральной России, получила выделка мехов и шкур белки, куницы, бобра, волков, лисиц, зайцев.

В местах массового забоя скота – в городах Подмосковья, в Верхнем и Среднем Поволжье были распространены салотопенные, мыловаренные и свечные заводы.

При Петре I правительство попыталось поставить под контроль мелкое ремесленное производство и крестьянские промыслы. С целью увеличения вывоза за рубеж холста и полотна оно в 1715 году запретило крестьянам ткать узкий холст (а ткать широкий холст в условиях тесной крестьянской избы было невозможно). Однако уже в 1718 году некоторые разновидности узких холстов были легализованы. Другим средством упорядочения мелкого производства стало издание указов о разрешении деятельности того или иного заведения. Производители, не имевшие данного разрешения, могли преследоваться казной. Самой кардинальной мерой правительства явилось издание в 1722 году указа об объединении городских ремесленников в цехи. В Западной Европе в это время ремесленные цехи являлись уже архаикой. В России цехи были учреждены прежде всего с целью организованного использования труда разрозненных мелких производителей в государственных интересах. Была создана система контроля за качеством продукции: мастеров теперь обязывали ставить личное клеймо на изделия. Указ упорядочил практику ученичества: чтобы стать подмастерьем, ученикам нужно было осваивать дело в течение 7 лет. В свою очередь, подмастерье мог стать мастером лишь проработав не менее двух лет в данной должности. Важно отметить, что русские цеховые уставы были лишены ряда ограничений, тормозивших развитие производства: не регламентировали его размеры, разрешали мастеру держать неограниченное количество подмастерьев и учеников, допускали конкуренцию с внецеховым производством.

3.6 ТОРГОВЛЯ

Характеризуя состояние торговли в России в петровскую эпоху, следует отметить, во-первых, абсолютное преобладание во внутренних товаропотоках сельскохозяйственного сырья, а во-вторых, изменение структуры и масштабов внешнеторговых операций.

В структуре внутренней торговли важное место занимало зерно. Поток зерновой продукции устремлялся из Черноземья и Поволжья в Московский регион, центральные губернии и через Вышневолоцкий канал – к Петербургу. Среди другой продукции, поступающей из этих регионов, преобладали пенька, конопляное масло, мед, сало, шкуры. С Украины в центральные районы страны везли продукцию животноводства, воск, поташ, селитру, из Сибири – пушнину. Крупнейшим поставщиком рыбпродуктов являлась Астрахань.

Внутренняя торговля в петровскую эпоху состояла из нескольких уровней. Низший ее уровень составляли сельские и уездные торжки, куда 2 – 3 раза в неделю съезжалось крестьянство и местное купечество, а высший – оптовая ярмарочная торговля. По всей России действовала сеть мелкой ярмарочной торговли. Всероссийское значение имели такие ярмарки как Макарьевская близ Нижнего Новгорода, куда свозили товары с бассейна реки Волги, Свенская под Брянском – главный пункт товарообмена между Украиной и центральными районами России и Ирбитская на Урале, где происходила купля-продажа сибирской пушнины и промышленных товаров, предназначенных для населения Сибири.

Основным средством перемещения товаров по стране являлся гужевой и речной транспорт. Дорожная сеть находилась в крайне неудовлетворительном состоянии, фактически переставая функционировать в период весенней и осенней распутицы. В целях развития торговли правительство в начале XVIII века предприняло строительство ряда каналов, связывающих различные речные бассейны. Так, в 1703 – 1708 годах был сооружен Вышневолоцкий канал, связавший бассейн Волги с северо-западными областями России. В 1720-х годах через Ивановское озеро были соединены бассейны рек Оки и Дона. Были разработаны проекты Тихвинского и Мариинского каналов, начато строительство Волго-Донского канала, правда вскоре заглохшее.

В эпоху петровских преобразований в России резко возросло значение в экономике страны внешней торговли, которая стала интенсивно развиваться благодаря приобретению балтийских портов. Если в конце

XVIII века единственным морским портом страны был Архангельск, на долю которого приходилось 3/4 ее внешнеторгового оборота, то уже в 1726 году оборот Петербурга в 12 раз превышал торговый оборот Архангельска, составив 3953 тыс. руб. Фактически, в царствование Петра I морская торговля России со странами Запада была перенесена из Архангельска в балтийские порты: Санкт-Петербург, Ригу, Ревель, Выборг, Нарву. Особо следует указать на значение Рижского порта, годовой оборот которого в середине 1720-х годов превышал 2 млн. руб. Он открыл путь к европейскому рынку юго-западному региону страны: через Западную Двину за границу отправились большими партиями пенька, лен, парусина, кожи, сало, мед, воск и т.д. Традиционным центром торговли со странами Востока была Астрахань. Торговля с Китаем осуществлялась через Кяхту.

Для русской внешней торговли был характерен активный баланс, т.е. превышение вывоза над ввозом. Например, в 1726 году вывоз из России через Петербург, Ригу и Архангельск составил 4,2 млн. руб., а ввоз – 2,1 млн. руб. Такая государственная политика совпадала с принципами меркантилизма, полагавшего приток в страну благородных металлов важнейшим показателем роста национального богатства.

За первую четверть XVIII века некоторые изменения произошли в структуре русской внешней торговли. Главным предметом русского экспорта было по-прежнему сельскохозяйственное сырье: в основном лен, пенька, кожи, мачтовый лес, канаты, поташ. Однако с этого времени начинается вывоз за границу изделий молодой русской промышленности: железа и полотна. В русском импорте преобладали промышленные товары: сукна, краски, шелковые материи, а также колониальные товары: чай, кофе, сахар, пряности.

В торговой политике петровского правительства четко прослеживается отстаивание государственных интересов, иногда даже в ущерб частному предпринимательству. Прежде всего, был расширен список товаров, торговля которыми являлась государственной монополией. Казна оставила за собой ис-

ключительное право на продажу таких ходовых товаров как икра, рыбий клей, ревень, смольчуг, поташ, пенька, табак, юфть, мел, соль, деготь, щетина, рыбий жир и т.д. Ущерб частным торговцам наносили и такие меры правительства как принудительное перенесение торговли с заграницей из Архангельска в Петербург, запрещение пользоваться речными судами старой конструкции и др. Вместе с тем государство практиковало передачу монопольных прав на продажу того или иного товара частным лицам. С конца второго десятилетия XVIII века политика государства в этом вопросе существенно изменилась: список товаров, торговля которыми была объявлена казенной монополией, стал быстро сокращаться, что позитивно отразилось на развитии частной торговли.

Неизменной оставалась линия правительства на защиту отечественных производителей от конкуренции из-за рубежа. Как только русская промышленность оказывалась в состоянии удовлетворить внутренний спрос на определенный вид продукции, следовал запрет на ввоз аналогичной продукции из-за рубежа. Так был запрещен ввоз в Россию металлических игл, полотна, шелковых изделий. Вершиной протекционистской политики петровского правительства стал таможенный тариф 1724 года, ставивший размер пошлины на ввозимый из-за границы товар в зависимость от способности отечественных предприятий удовлетворить внутренний спрос на этот товар. Например, при ввозе из-за рубежа таких товаров как железо, парусина, шелковые ткани размер пошлины составлял 75 % от их стоимости. До 50 % от стоимости товара устанавливалась пошлина на голландское полотно и бархат, до 25 % – на товары, производившиеся в России в недостаточном количестве: шерстяные ткани, писчую бумагу, до 10 % – на медную посуду, оконное стекло. В то же время государство обложило высокими экспортными пошлинами сырье, необходимое для отечественных производителей, например, шерсть.

Таможенный тариф 1724 года не отвечал потребностям дворянства, заинтересованного в иностранной продукции и в 1731 году был пересмотрен, приняв менее протекционистский характер.

3.7 ФИНАНСОВАЯ И БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Северная война со Швецией, создание армии и флота, строительство городов, крепостей, каналов в правление Петра I требовали огромных государственных расходов. Между тем финансовая система страны, доставшаяся петровскому правительству в наследство от предшественников, находилась в кризисном состоянии: в последние годы XVII века государственный бюджет неизменно выполнялся с дефицитом. В этих обстоятельствах важнейшей задачей правительства стало изыскание дополнительных источников доходов.

Первым делом государство увеличило перечень налогов и сборов, взимаемых с населения. Помимо стрелецких, ямских и полоняничных денег, взимаемых в XVII веке, были установлены новые налоги: на корабельную починку, рекрутам, драгунам, мельничный, пчелиный, погребной, банный, с печей, хомутейный, шапочный, сапожный, водопойный, с бороды, с раскольников, извозчиков, постоянных дворов и т.д. Поисками новых объектов налогообложения занимались специально уполномоченные государством люди – прибыльщики. По предложению прибыльщика А.А. Курбатова в России была введена гербовая бумага, на которой отныне должны были составляться деловые документы. Также был введен налог на дубовые гробы.

Помимо постоянных налогов тяжелым бременем для населения являлись разнообразные «запросные сборы» и многочисленные государственные повинности. В то же время правительство упорядочило торговые сборы, заменив массу мелких сборов единой пошлиной в размере 5 % от суммы сделки.

С целью обеспечения дополнительных денежных поступлений в казну правительство в 1700 году лишило владельцев территории торжков права сбора пошлин. В 1704 году в казну были взяты все частные постоянные дворы. С этой же целью в начале XVIII века был значительно расширен перечень товаров, являвшихся предметом казенной торгово-промышленной монополии.

Важным источником увеличения государственных доходов явилась проведенная правительством в 1700 – 1704 годах денежная реформа. Вместо примитивной монетной системы, представленной лишь однокопеечной монетой и ее частями (деньгой, полушкой и полуполушкой), изготавливаемыми из се-

ребряной проволоки, был создан набор серебряных монет в одну копейку, алтын (3 коп.), пятачок (5 коп.), гривенник (10 коп.), полуполтину (25 коп.), полтину (50 коп.) и рубль. Вместо серебряной деньги (0,5 коп.) и полушки (0,25 коп.) стали выпускать медные монеты этого же достоинства. С 1718 года из меди стали чеканить алтыны и полуполушки, а с 1723 года – пятачки. За весовую единицу серебряного рубля был принят серебряный талер, хотя содержание серебра в рубле было меньше, чем в талере. Наконец, была введена в обращение золотая монета рублевого достоинства, которую в 1718 году сменил двухрублевик 75-й пробы.

Денежная реформа начала XVIII века сопровождалась уменьшением количества серебра и меди в монетах. Если первоначальное содержание серебра в рубле составляло 8,33 золотника чистого серебра (1 золотник = 4,3 г.), то впоследствии оно снизилось до 4 золотников. С 1711 года серебряные монеты чеканились 70-й пробы. Аналогичная ситуация наблюдалась с медными монетами: при рыночной цене пуда меди в 6 – 8 рублей, с 1704 года из него стали чеканить монеты на 20 рублей (38-я проба), а с 1718 года – на 40 рублей. В итоге, только за 1701 – 1703 годы, в течение которых наиболее интенсивно проводилась чеканка новой монеты, казна получила 1,9 млн. руб. чистой прибыли. Если в 1680 году выпуск монет дал казне 2,7 % от общей суммы государственного дохода, то в 1701 году этот показатель составил 26,8 %. За 25 лет XVIII века общий доход казны от выпуска монет составил 10,7 млн. руб.

Таким образом, денежная реформа позволила создать в России полноценную монетную систему, основанную на десятичном принципе (один рубль = 10 гривенников = 100 копеек), и способствовала укреплению финансового хозяйства страны. Другими мерами правительства по стабилизации денежной системы в России стали объявление запрета на вывоз драгоценных металлов за границу, постройка крупного завода по добыче серебра в Нерчинске, поддержание активного внешнеторгового баланса. Это помогло стране выжить в первый, самый тяжелый, период Северной войны. Однако порча монеты, сознательно предпринятая государством, способствовала падению курса рубля и соответственно росту цен, т.е. ухудшению положения народных масс.

К концу второго десятилетия XVIII века налогообложение населения приблизилось к пределу возможного. В этих обстоятельствах правительство решило изменить принцип налогообложения, перейдя от подворного к подушному обложению. Если ранее (с 1678 года) единицей налогообложения был двор, что позволяло помещикам утаивать часть платежей путем формального объединения нескольких дворов в один, то теперь ей стала мужская душа (включая младенцев и стариков и даже умерших, но еще числившихся в ревизских списках). Таким образом, данная мера позволила правительству резко увеличить число налогоплательщиков.

В 1718 году правительство приступило к проведению подушной переписи населения, причем подача сведений о численности крепостных мужского пола была возложена на самих помещиков. Не добившись желаемого, правительство в 1722 – 1724 годах провело проверку результатов переписи – ревизию, используя для этого гвардейских офицеров. Первая ревизия учла 5,6 млн. податных д.м.п., из них 5,4 млн. д.м.п. крестьян и 183,4 тыс. д.м.п. посадских. На крестьян было возложено содержание армии, на посадских – флота. Размер подати определили арифметическим путем: разделив суммы, требуемые на содержание армии и флота, на число налогоплательщиков соответствующей категории. В итоге, налог на крестьян был исчислен в 74 коп., налог на посадских составил 1 руб. 14 коп. Ученые едины во мнении, что подушная подать была обременительней налогов, взимаемых до ее введения, но дать точную сравнительную оценку пока не могут.

Введение подушной подати сильно повлияло на роль прямых налогов в доходной части бюджета.

Если в 1701 году прямые налоги составили 19,8 % доходов, то в 1724 году – 55,5 %, из них подушный налог давал 54 % доходов бюджета. Доля косвенных доходов составила в 1701 году 40,4 %, а в 1724 году – 24,9 % государственных доходов. В расходной части бюджета преобладали военные расходы, доля которых на первом этапе Северной войны достигала 80 – 90 %. В 1724 году военные расходы составили 62,8 % от общего числа.

В целом, реальные доходы государства за период 1680 – 1724 годов выросли втрое. Это не означает, что налоговый пресс стал давить с тройной силой: на рост государственных доходов повлияло и увеличение численности налогоплательщиков и возросшие поступления от развивавшихся промышленности

и торговли. Однако продолжающийся рост бюджетного дефицита, в конечном итоге, заставил правительство прибегнуть к практике государственных займов.

4 ЭКОНОМИКА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

4.1 СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В XVIII веке начинается процесс медленного втягивания крестьянского хозяйства в систему товарно-денежных отношений. Быстрое развитие крупного производства, нуждающегося в сельскохозяйственном сырье, и переход государства от натурального к денежному налогообложению заставляли крестьянство активнее вывозить на рынок продукты своего труда. Особенно этот процесс усилился во второй половине столетия, когда было завершено формирование единого всероссийского рынка. Оставаясь в своей основе еще натуральным, крестьянское хозяйство, тем не менее, перестает быть абсолютно замкнутым. Крестьяне начинают приобретать на рынке и орудия труда и предметы домашнего обихода. Втягивание крестьянского хозяйства в рыночные отношения усиливало имущественное расслоение крестьянства. Наиболее предприимчивые представители крестьянства, сколотив капиталы, начинают приобретать в аренду земельные участки и даже крепостных, ориентируя свое хозяйство на рынок. Однако в целом, товарность крестьянского хозяйства оставалась чрезвычайно низкой.

Главным препятствием на пути роста товарности сельскохозяйственного производства являлась низкая производительность труда земледельца, обусловленная неблагоприятными природно-климатическими условиями и примитивной агрикультурой. Урожайность в нечерноземной полосе, где располагалась основная часть пахотных земель страны в XVIII веке, составляла большей частью сам-3 и редко сам-4. С регулярностью раз в 3 – 4 года бывали неурожаи. При такой урожайности для крестьянского хозяйства было нехарактерно наличие товарных излишков – в основном русский крестьянин жил на грани голода.

Примитивными оставались способы земледелия. Преобладал трехпольный севооборот: яровые – озимые – травяной клин. На плодородных землях юга и Поволжья довольно широкое распространение получила залежная система, являвшаяся главным методом борьбы с сорняком. Традиционными были орудия труда: соха, деревянная борона, режа плуг, серп, коса. Предпринимавшиеся во второй половине XVIII века в некоторых помещичьих хозяйствах попытки внедрения новых методов обработки почвы, многопольных севооборотов, усовершенствованных орудий труда, носили скорее экспериментальный характер. Среди выращиваемых сельскохозяйственных культур преобладали рожь и овес. Ими засеивалось до 80 % пашни. Остальное приходилось на пшеницу, ячмень, горох, чечевицу, гречку, просо. Из технических культур выращивали лен и коноплю. Во второй половине XVIII века стали расти площади посевов под сахарную свеклу и подсолнечник, что было связано с увеличением спроса на сырье развивающейся сахарной и масложировой промышленности.

Процессы специализации в аграрном секторе развивались крайне медленно, в том числе и потому, что рынок в XVIII веке был не способен удовлетворить потребности крестьянства в той или иной сельскохозяйственной продукции, удовлетворяя лишь нужды города. Крестьянин был вынужден на своем небольшом участке выращивать весь перечень необходимых ему сельскохозяйственных культур. Тем не менее, в XVIII веке в России постепенно формируются районы торгового земледелия, в первую очередь – очаги торгового льноводства и коноплеводства. Посевам льна традиционно уделялось внимание сельского населения Центральной России. Выращивание конопли особенно было распространено в районах Калуги, Брянска, Орла, Курска. Жители этих районов заводили специальные поля под коноплю – «коноплянники», собирая высокие урожаи этой культуры. Скупщики скупали по деревням мелкие партии льна и конопляной пеньки, сбывая крупные партии сырья за границу и на отечественные предприятия парусно-полотняной промышленности. Помимо районов торгового льноводства и коноплеводства, в конце XVIII века в степной части юга России и в Заволжье складываются районы зернового хозяйства

и тонкорунного овцеводства, в Закавказье и Крыму – очаги виноградарства и шелководства, а около крупных городов – торговое огородничество.

Заметный рост объемов сельскохозяйственного производства во второй половине XVIII столетия и повышение его товарности стало возможным, главным образом, благодаря продолжающемуся процессу освоения обширных малозаселенных территорий на юге страны, а также в Заволжье и Западной Сибири. Процесс освоения южных плодородных земель особенно активизировался в конце XVIII века, после присоединения к России северного Причерноморья и Крыма и ликвидации угрозы татарских набегов. Плодородие южных черноземов было исключительно высоким: урожаи ржи достигали сам-10 и сам-15, пшеницы – сам-5, сам-8, проса – сам-30 и выше. Это стимулировало укрепление связей крестьянского хозяйства с рынком. В то же время экономический подъем страны, развитие товарно-денежных отношений объективно сопровождалось процессом усиления феодальной эксплуатации зависимого крестьянства.

4.2 УСИЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Развитие товарно-денежных отношений в стране, рост промышленности и торговли в XVIII веке создавали предпосылки для увеличения интереса помещиков к своему собственному хозяйству. Дворяне-землевладельцы стремились теперь максимально повысить доходность своих имений путем сбыта на рынке возможно большего количества сельскохозяйственной продукции, чтобы взамен приобрести различные промышленные изделия, в первую очередь, дорогие предметы роскоши. Дополнительным стимулом к втягиванию помещичьих хозяйств в рыночные отношения служили меры правительства, направленные на расширение дворянских привилегий в хозяйственной сфере. В 1726 году за дворянством было закреплено право продажи продукции собственных хозяйств, в 1755 году ему было передано монопольное право на винокурение, в 1762 году разрешен свободный вывоз хлеба за границу. Изданный в 1762 году манифест о вольности дворянства позволил помещикам беспрепятственно заняться хозяйственной деятельностью в своих имениях. В итоге дворяне устремились в поместья.

Увеличение товарных излишков сельскохозяйственной продукции в помещичьих хозяйствах при рутинной технике ее производства было возможно только на основе усиления эксплуатации феодально-зависимых крестьян. Поэтому в течение XVIII века наблюдался непрерывный рост владельческих повинностей крестьян. В то же время помещику было необходимо сохранить условия для простого воспроизводства крестьянского хозяйства, на котором держалось его собственное благополучие. Это вынуждало его искать оптимальный размер крестьянских повинностей.

К середине XVIII века подходит к концу период относительно гармоничного сочетания в помещичьих хозяйствах всех трех видов феодальной ренты: отработочной, натуральной и денежной. В зоне наиболее плодородных земель: Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской губерниях помещики начинают стремиться к увеличению товарного производства хлеба, заводя с этой целью крупные барские запашки в 1000, 2000, 3000 десятин и более и одновременно сокращая размеры крестьянских наделов до 1,5 десятин на мужскую душу и менее. Например, в имениях С.С. Апраксина, расположенных в Орловской губернии, было до 5000 десятин помещичьей запашки. Но в среднем, величина барских запашек составляла порядка 100 – 300 десятин. Преобладающей формой феодальной эксплуатации в черноземной полосе России становится барщина, бремя которой во второй половине XVIII века заметно возросло. Если в первой половине столетия преобладала трехдневная барщина, то уже в 60-е годы нередкостью являлась четырех- и даже пятидневная барщина, а в некоторых районах встречались случаи шестидневной барщины. Чудовищные размеры феодальной эксплуатации крепостных крестьян заставили Павла I в 1797 году издать указ о трехдневной барщине, впрочем, составленный в форме рекомендации и потому малоэффективный. В целом по России в конце XVIII века удельный вес барщинных крестьян составлял 56 %. В 1770-х годах некоторые помещики стали переводить своих крестьян на месячину, т.е. лишали их наделов, заставляя работать исключительно на барской пашне, а взамен выдавали им месячный натуральный паек.

В нечерноземной полосе России, где был развит крестьянский промысловый отход, наоборот, отработочная рента постепенно отходила на второй план, уступая место денежной. Многие помещики вовсе отказывались от барщины, ограничиваясь взиманием денежного оброка, размеры которого росли по мере развития крестьянских промыслов. Так, если в 20-е годы XVIII века помещичий доход с мужской души был определен в 40 коп., то в 60-е гг. помещики взимали в среднем по 1 – 2 руб. в год, в 70-е годы – 2 – 3 руб., в 80-е годы – 4 – 5 руб., а в 90-е годы оброк мог достигать 8 – 10 руб. с души мужского пола в год. Интересно отметить, что рост платежей крестьян помещикам на протяжении XVIII века происходил на фоне неизменного размера государственной подушной подати, равной 70 коп. с души мужского пола в год. Следовательно, во второй половине столетия помещичьи интересы в данной сфере уже преобладали над государственными.

Для упорядочения сбора платежей с крепостных крестьян в течение XVIII века в помещичьих хозяйствах вводится новая хозяйственно-податная и рабочая единица – крестьянское тягло, в которую входила либо семейная пара, либо большее число людей. Таким образом, все трудоспособное население поместья делилось на определенное число тягол, каждому из которых определялась одинаковая сумма конечных платежей или объем отработок. Для этого тягла необходимо было в равной мере наделять землей, что в конечном итоге привело к практике периодических земельных переделов, получившей всеобщее распространение уже в XIX веке.

Стремительное усиление феодальной эксплуатации крепостного крестьянства в XVIII веке стало возможно благодаря дальнейшему расширению прав помещика на личность зависимого крестьянина. Активная роль столичного дворянства в дворцовых переворотах 1725 – 1762 годов благотворно отразилась на правах и привилегиях дворянского сословия, усилив крепостную зависимость помещичьих крестьян. В 1736 году помещикам было разрешено самостоятельно определять меру наказания за побег крестьян, в 1747 году – продавать крестьян в рекруты, в 1760 году – ссылать крестьян в Сибирь, в 1765 году – отправлять крестьян на каторжные работы, наконец, в 1767 году крестьянам под страхом жестокого наказания было запрещено подавать жалобы на помещиков. Значительно был ужесточен сыск беглых. В итоге, власть помещика над крепостным крестьянином стала фактически безграничной.

В XVIII веке крепостное право в России развивалось не только «вглубь», но и «вширь»: бегство крестьян на свободные земли юга и за Урал вынудило государство расширить зону крепостничества на Дон, в Заволжье, Приуралье. В 1783 году крепостное право было окончательно распространено на Украину, в 1796 году – на Крым. Продолжался процесс раздачи государственных крестьян в частные руки: при Екатерине II было роздано 800 тыс., при Павле I – 600 тыс. человек обоего пола. Эта практика прекратилась лишь в начале XIX века с приходом к власти Александра I.

Однако уже в XVIII веке развитие товарно-денежных отношений выявило экономическую ограниченность крепостного хозяйства, проявившуюся в невозможности роста на его базе производительных сил. В силу незаинтересованности крепостного крестьянина в результатах своего труда все предпринимаемые помещиками попытки внедрения в сельское хозяйство новейших достижений агрокультуры были обречены на неудачу. Рост товарного производства на базе крепостного труда был возможен лишь посредством увеличения объема отработок крестьян на господской пашне. По этому пути и пошли помещики черноземной полосы. В свою очередь помещики нечерноземных областей выход из создавшейся ситуации увидели в расширении практики крестьянского промыслового отходничества. Однако в следующем столетии эти ресурсы были исчерпаны, что предопределило общий кризис феодально-крепостнической системы.

4.3 КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

Издавна крестьяне нечерноземной полосы России пытались найти дополнительные источники существования. Все свободное от сельскохозяйственных работ время они использовали для занятий промышленной деятельностью. Так получили развитие крестьянские промыслы.

В России в XVIII веке получили распространение два вида крестьянских промыслов: домашние, или местные, и отхожие. Жители сел Владимирской, Костромской и Ярославской губерний производили льняную пряжу и продавали ее владельцам текстильных мануфактур. Крестьяне Московской губернии в свободное время занимались заготовкой строительных материалов из древесины и столярным ремеслом, изготавливая сани, телеги, бочки, колеса и другие изделия. Тверское село Кимры было крупным центром сапожного дела. Крупными центрами металлообработки являлись нижегородские села Павлово, Безводное, Ворема.

С середины XVIII века резко возрастают масштабы крестьянского отходничества, что было связано с усилением заинтересованности помещиков в крестьянских промыслах как дополнительном источнике помещичьего дохода. К концу XVIII века только в Московской губернии ежегодно выдавалось крестьянам-отходникам свыше 50 тыс. паспортов. Крестьяне уходили на заработки как в города, так и в районы товарного производства хлеба. Мощным потребителем крестьян-отходников была река Волга и приволжские города. Десятки тысяч крестьян работали бурлаками, были заняты на рыбных промыслах. Огромное количество рабочей силы поглощали Москва и Санкт-Петербург.

Крестьянское отходничество в определенной степени компенсировало отсутствие в России в XVIII веке рынка рабочей силы, необходимого для развития крупного производства, способствовало внедрению в экономику страны капиталистического уклада. Однако сезонность крестьянского отхода на заработки замедляла этот процесс.

4.4 ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Главным фактором развития внутреннего рынка в России в XVIII веке являлся рост неземледельческого населения, занятого торгово-промышленной деятельностью. Этот рост осуществлялся в первую очередь за счет промыслового крестьянства. Быстрое развитие крестьянских промыслов во второй половине XVIII века стимулировало процесс разложения натурального хозяйства в аграрном секторе экономики страны, способствовало повышению его товарности.

Во внутренних товаропотоках в середине – второй половине XVIII века по-прежнему преобладали сельскохозяйственные продукты и изделия. С середины XVIII века резко возросли хлебные грузопотоки.

По данным Н.Л. Рубинштейна, во второй половине XVIII века хлеботородные регионы России давали ежегодно от 3 до 10 млн. пудов товарного хлеба. Основную его массу производили крестьянские хозяйства. Основными поставщиками мясной продукции являлись черноземные районы юга России, Украина и Казахстан. Последний в 1780-е годы поставлял в Россию до 350 тыс. голов скота ежегодно. Видное место во внутренней торговле занимала продукция технических культур – льна и конопли. Экспорт льна по России в 1749 году достигал 500 тыс. пудов, в 1780 году – 900 тыс. пудов, в 1790-е годы – свыше 1 млн. пудов, а экспорт пеньки соответственно 1,3 млн. пудов, 2,7 млн. пудов и свыше 3 млн. пудов.

Основной формой внутренней торговли в России XVIII века являлась ярмарочная торговля, характерная для доиндустриальной стадии развития общества с ее ограниченным внутренним рынком и слабо развитыми путями сообщения. В конце XVIII века в стране действовало свыше 1000 ярмарок, среди которых выделялись Макарьевская и Ирбитская. В конце столетия быстро начинает развиваться постоянная или магазинная торговля. В обеих столицах и ряде губернских городов в это время были сооружены большие гостиные дворы. Широко была распространена торговля вразнос: мелкие торговцы –

офени и коробейники разъезжали по всей стране и обменивали мелкие бытовые товары на продукцию крестьянского хозяйства: лен, пеньку, кожу, полотно.

Среди мер правительства, направленных на развитие внутренней торговли в России важнейшей следует признать ликвидацию в 1753 году таможенных пошлин и сборов. Финансовые потери от этого шага государство компенсировало повышением сборов от внешнеторговых сделок с 5 до 13 %. Таким образом было покончено с остатками средневековой раздробленности в стране.

Важнейшим итогом развития внутренней торговли в России в XVIII веке стало завершение процесса формирования единого всероссийского рынка.

Быстрыми темпами в XVIII веке в России развивалась внешняя торговля. За 1726 – 1750 годы внешнеторговый оборот страны удвоился, составив в 1749 году 12,6 млн. руб. Во второй половине столетия среднегодовой внешнеторговый оборот вырос с 20 млн. руб. (первая половина 1760-х годов) до 80 млн. руб. (первая половина 1790-х годов). Как и прежде, для России был характерен активный внешне-торговый баланс, т.е. превышение вывоза над ввозом.

В структуре русского экспорта преобладало сельскохозяйственное и промышленное сырье: мачтовый лес, пенька, лен, юфть, полотно, железо. Во второй половине XVIII века увеличился вывоз за границу хлеба. Из-за границы ввозились в основном промышленные изделия, в первую очередь предметы роскоши.

Политика государства по отношению к отечественной торговле в середине – второй половине XVIII века, как и в петровские времена, носила покровительственный характер. В 1750-е годы правительство отказалось от казенной монополии на внешнюю торговлю рядом ходовых товаров: воска, льна, пеньки, смольчуга, поташа, дегтя, юфти и т.п. В 1757 году были установлены новые таможенные пошлины в размере от 40 до 100 % от стоимости ввозимого товара. В 1762 году был разрешен свободный вывоз хлеба за рубеж, а в 1766 – 1772 годы введен беспошлинный вывоз пшеницы из большинства портов страны. Наконец, новый таможенный тариф 1766 года накладывал запрет на импорт товаров, которые могли быть произведены в самой России. Очень высокими пошлинами – от 100 до 200 %, облагались предметы роскоши, вина, писчая бумага, игрушки. В то же время низкие пошлины устанавливались на сырье, необходимое для отечественного производства, например, на хлопок-сырец, красители. Экспортные пошлины в среднем составляли 10 – 23 % от стоимости вывозимой продукции.

Крупнейшим внешнеторговым партнером России в XVIII веке являлась Англия, закупавшая корабельный лес, парусину, пеньку для канатов, уральское железо. К числу постоянных партнеров также относились Дания, Австрия, Франция. Активные торговые связи были налажены с Персией, Хивой, Бухарой. Слабым местом русской внешней торговли являлось отсутствие у России собственного торгового флота. Основной объем грузов перевозился на английских и голландских судах, за что государству и частному капиталу приходилось платить значительные суммы.

4.5 РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ФОРМИРОВАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА

Наибольший рост производительных сил страны в XVIII веке наблюдался в такой отрасли народного хозяйства как промышленность. На протяжении столетия увеличивалось число как казенных и купеческих заводов и фабрик, так и вотчинных мануфактур, производящих продукцию на базе ресурсов помещичьего хозяйства. Новым явлением в промышленном развитии России стало появление крестьянских мануфактур, возникших на базе мелкотоварного производства. Общее число предприятий с конца

60-х годов XVIII века по 1799 год возросло с 683 до 2094. Произошло их укрупнение. Во второй половине столетия встречаются предприятия с числом рабочих от 2 до 3 тыс. Наиболее быстрыми темпами развивались металлургия, суконное и парусно-полотняное производство, в продукции которых было заинтересовано государство.

В 1750 году в России действовало 72 железоделательных и 29 медеплавильных заводов. К концу века число металлургических предприятий выросло вдвое. За этот же период выплавка чугуна в стране

увеличилась с 2 до 9,9 млн. пудов. По этому показателю Россия прочно занимала первое место в мире. Русское железо было более высокого качества, чем заграничное, и пользовалось устойчивым спросом в Европе. Быстрыми темпами увеличивала объемы производства медеплавильная промышленность. За вторую четверть XVIII века продукция медеплавильных заводов выросла втрое.

В конце XVIII века в горной и металлургической промышленности было занято свыше 100 тыс. крепостных мастеровых. Доля наемных работников была невелика. Численность государственных крестьян, приписанных к заводам, выполнявших казенные заказы, с 1765 по 1795 год возросла с 142 572 д.м.п. до 312 218 д.м.п. Крупнейшими владельцами металлургических заводов были Демидовы, Строгановы, Баташевы, Масловы.

Интенсивно на протяжении столетия развивалась текстильная промышленность (суконное, полотняное, шелковое производство). Только за вторую четверть XVIII века в России появилось 62 новых текстильных мануфактуры. В конце 60-х годов русская текстильная промышленность насчитывала 231 предприятие, в том числе 73 суконных, 85 полотняных и 60 шелковых мануфактур. В конце XVIII века число предприятий текстильной промышленности достигло 1082, среди них 158 суконных, 318 полотняных и 357 шелковых. Произошло укрупнение производства. Значительные по размерам суконные предприятия появились на Украине (Лужковская, Путивльская, Ряская мануфактуры). В то же время условия поставок продукции суконных предприятий в казну были невыгодными для их владельцев, что тормозило развитие суконного производства в России. Наоборот, шелковое производство, работавшее на вольную продажу, стремительно развивалось. Предприятия шелковой промышленности концентрировались в основном в Москве и Подмосковье.

Развитие парусно-полотняной промышленности стимулировалось не только потребностями внутреннего рынка, но и неизменным спросом на русскую парусину зарубежных потребителей – ведущих морских держав Европы, в первую очередь Англии. К 1750 году в стране действовало 38 парусно-полотняных мануфактур. Новые предприятия этой отрасли возникли в Боровске, Вологде, Калуге, Ярославле, Серпухове.

Получают дальнейшее развитие такие отрасли как бумагоделательное, кожевенное, стекольное, химическое производство. В середине XVIII века в России насчитывалось 15 бумагоделательных, 10 стекольных, 9 химических мануфактур. Быстро развивалась такая новая для России отрасль как хлопчатобумажное производство. К концу века в стране действовало почти 250 хлопчатобумажных предприятий.

Таким образом, в течение XVIII века в России была создана многоотраслевая промышленная база, позволявшая при господстве натурального крестьянского хозяйства удовлетворить основные потребности страны. Уязвимым местом русской индустрии, основанной на крепостном труде, была ее невосприимчивость к новейшим достижениям технической мысли. Русская инженерная мысль в XVIII веке во многом опережала европейскую, явив такие важнейшие для совершения промышленного переворота технические новинки как самоходный суппорт для токарного станка (А. Нартов, 1710-е гг.) и универсальный паровой двигатель (И. Ползунов, 1765 год). Тем не менее, Россия запоздала с проведением промышленного переворота, по сравнению с Англией, на полстолетия. С конца XVIII века феодальная экономика России начинает постепенно отставать от развивающейся капиталистической экономики передовых европейских государств.

Производственные отношения в послепетровский период развивались по пути увеличения масштабов применения крепостного труда. В 30-е – 50-е годы XVIII века промышленники активно пользовались правом покупки крестьян к мануфактурам. Расширялись масштабы приписки государственных крестьян к заводам и фабрикам: к середине 50-х годов все государственные деревни, расположенные поблизости от металлургических предприятий, оказались приписанными. Условия труда на посессионных мануфактурах были исключительно тяжелыми. В 1750-х годах правительство предприняло попытки ограничить применение принудительного труда на производстве. В 1752 году был издан указ, ограничивающий право купцов покупать крестьян к предприятиям, и введены количественные ограничения на использование труда вечноотданных. В 1753 году вышел указ об изъятии с предприятий лишних (согласно вновь установленным нормам) приписных крестьян. Наконец в 1762 году, указом Петра III мануфактуристам из числа недворян было запрещено покупать к предприятиям крепост-

ных. Последняя мера правительства способствовала трансформации социально-экономических отношений в России. С одной стороны, дворяне-предприниматели получили преимущество по сравнению с мануфактуристами недворянского происхождения, поскольку труд крепостных рабочих стоил дешевле труда вольнонаемных. С другой стороны, перекрытие источников комплектования кадров мануфактур крепостными рабочими способствовало, вопреки намерениям правительства, формированию в промышленности капиталистического уклада, подрывавшего феодальные порядки в стране. Когда в 1798 году Павел I восстановил право мануфактуристов недворянского происхождения покупать к предприятиям крепостных, те уже предпочитали использовать на производстве наемный труд, как более производительный.

Итак, мы видим, что промышленная политика правительства в середине XVIII века была направлена в первую очередь на создание благоприятных условий для дворянского предпринимательства. Дворянским предпринимательством было охвачено, прежде всего, полотняное и суконное производства, в которых использовалось сырье, получаемое в поместьях. Удельный вес вотчинных мануфактур в 1780-х годах достигал 20 %. Другой важной отраслью переработки сельскохозяйственного сырья, получаемого в поместьях, было винокурение. Удельный вес дворянского винокурения постепенно повышался и к середине XVIII века достиг уровня, позволявшего вместе с казенными винокурными заводами удовлетворить потребности в вине питейных дворов. В 1754 году государство обязало купцов сломать свои винокурни, таким образом предоставив помещикам монопольное право на винокурение и поставки вина в казну. В условиях государственной винной монополии поставку вина казне приносили большой доход, что обусловило энергичное внедрение дворянства в эту сферу производства. Крупные винокурные заводы возникли в южных районах страны с развитым зерновым производством: Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Курской губерниях, слободской Украине.

В царствование Елизаветы Петровны была возобновлена практика передачи казенных заводов в частные руки. Однако на этот раз казенные предприятия передавались не купцам, как это было при Петре I, а титулованному дворянству (П.И. и А.И. Шуваловым, С.П. Ягужинскому, И.Г. Чернышеву и др.). В итоге, эта правительственная акция привела не к поощрению мануфактурной промышленности и развитию дворянского предпринимательства, а к грабежу государственного имущества. Исчерпав ресурсы предприятий, вельможи расстались с ними, продав их промышленникам из купцов или обратно государству.

Во второй половине XVIII века в промышленной политике правительства обозначился некоторый поворот влево – в сторону либерализации. Принимаются меры, направленные на устранение помех в развитии производства. Уже в 1758 – 1760 годах было разрешено свободное производство некоторых видов товаров (шляп, веревок, канатов и др.). В 1762 году правительство Екатерины II отказалось от системы монополий в промышленности, таким образом, предоставив производителям право выпуска любого вида продукции. Эта мера оказалась своевременной, поскольку политика предоставления промышленнику монопольных прав на производство определенного вида изделий, проводимая со времен Петра I, уже стала тормозом в развитии русской промышленности, так как лишала мануфактуриста стимулов к совершенствованию производства. Однако упразднив торгово-промышленные монополии внутри страны, правительство Екатерины II не отказалось от покровительства русской промышленности в целом. Таможенные тарифы 1766, 1782 и 1796 годов устанавливали высокие ввозные пошлины на предметы роскоши и товары, которыми могла обеспечить внутренний рынок отечественная промышленность. Тариф 1796 года запрещал ввоз в Россию чугуна, изделий из железа, полотен и некоторых других видов товаров. Наконец, манифестом 1775 года в стране была объявлена свобода предпринимательства. Отныне предприятия могли вступать в строй без разрешения правительственных инстанций и без регистрации их в учреждениях. Купцы, владевшие капиталом свыше 500 руб., освобождались от уплаты подушной подати, замененной государственным сбором в размере 1 % с капитала. В 1776 году купечество было освобождено от рекрутчины при условии уплаты 360 руб. за каждого рекрута. В 1777 году правительство отменило сборы с домашних станков, принадлежащих фабрикам (так называемые, рассеянные мануфактуры). Наконец в 1784 году был издан указ о поощрении местной легкой промышленности.

Наличие признаков либерализма в промышленной политике государства во второй половине XVIII века, в целом нацеленной на сохранение в стране феодально-крепостнического строя, объясняется сугубо прагматической линией правительства на поддержание главного объекта феодальной эксплуатации и источника национального дохода страны – крестьянского хозяйства, с развалом которого рухнул бы феодальный строй. Другое дело, что меры правительства по развитию промышленности и торговли помимо его воли расшатывали крепостнический строй, способствовали формированию капиталистического уклада в экономике. Эволюция капиталистических отношений в России в XVIII веке осуществлялась через сферу крестьянских промыслов.

Одной из особенностей экономического развития России являлось возникновение промышленных центров не в городе, а в сельской местности. Русский город в XVIII веке с экономической точки зрения был довольно слабым, а его население в условиях крайнего ограничения свободы передвижения по стране росло крайне медленно. В то же время, начиная с рубежа XVII – XVIII веков в России появляются десятки торгово-промышленных поселений, население которых занималось в основном промысловой деятельностью. Это было типичное мелкотоварное производство с эпизодическим применением наемного труда. В процессе его эволюции и конкурентной борьбы между мелкими производителями среди них выделяются две группы: те, кто вынужден жить продажей своего труда, и те, кто использует наемный труд. Из последних со временем выделяются более крупные товаро-производители. Именно таким путем из недр мелкотоварного производства вырастает капиталистическая мануфактура. Процесс выделения крупных предприятий из массы мелких активизировался примерно с 60-х годов XVIII века. Однако из-за сезонности производства и краткосрочности найма рабочих он протекал достаточно медленно. Важной особенностью этого процесса являлось то, что он происходил в обстановке крепостного права, когда владельцы капиталистических предприятий оставались крепостными своего барина, т.е. бесправными людьми.

Раннее всего процесс появления крупных предприятий капиталистического типа затронул такую отрасль как текстильное производство

(40-е годы XVIII века), впоследствии – металлургию, металлообработку, кожевенное дело и др.

Предприятия капиталистического типа появились и в крупнейших городах России – в Казани, Москве, Нижнее Новгороде, Ярославле. В стране постепенно формировался капиталистический уклад.

4.6 ЭВОЛЮЦИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

На протяжении XVIII века русский бюджет испытывал все нарастающий дефицит по причине непрерывных войн, роста государственного аппарата и непомерных расходов императорского двора. Разоренное крестьянство было не в состоянии вынести всю тяжесть налогового бремени, в результате недоимки по налогам росли из года в год. В 20 – 30-е годы XVIII века недоимка по подушной подати, как правило, составляла треть от всей суммы налога. Суровые правительственные санкции против неплательщиков и прочие меры административного характера оказались неэффективными. К 1739 году общая задолженность по подушной подати достигла огромной цифры – 5 млн. руб. В этой ситуации правительство было вынуждено в 20-е – 40-е годы неоднократно прощать недоимки. В 1754 году была списана старая недоимка за 1724 – 1746 годы – около 2,5 млн. руб. В 50-х годах наметилась тенденция к постепенному понижению подушного оклада, сначала на 3 коп., а затем на 5 коп.

В 1740-е – 1750-е годы в области финансовой политики наметился поворот. Правительство берет курс на повышение роли косвенных налогов в системе государственных доходов, видя в этом наиболее безболезненный путь выхода из финансового кризиса. В 1742, 1756 и 1763 годах были повышены цены на продажу вина. В итоге ведро вина стало стоить 2 руб.

53 коп. В 1749 году по предложению П.И. Шувалова были резко повышены цены на соль (до 35 коп. за пуд), что позволило увеличить доход казны на 0,5 млн. руб. в год. В 1756 году пуд соли стал стоить 50 коп., что привело к сокращению ее потребления. В итоге, в 1762 году правительство было вынуждено снизить цены на соль до 40 копеек за пуд. В 1740-х годах были введены новые казенные монополии на продажу товаров, но существенной роли в доходах бюджета они не сыграли.

Традиционным способом увеличения государственных доходов являлась порча медной монеты – уменьшение ее действительной стоимости. В послепетровское время правительство к этому прибегало дважды – в 1727 – 1731 годах и в начале 1760-х годов. Уменьшение реальной стоимости денег немедленно вызывало рост цен, что отрицательно сказывалось на жизненном уровне населения. Правительство же таким путем извлекало миллионные прибыли. В 1760-е годы манипуляция с металлическими деньгами привела в окончательное расстройство финансовую систему страны. Именно тогда правительство решилось на выпуск бумажных денег, как одного из источников покрытия бюджетного дефицита.

В 1766 году два банка в Москве и Санкт-Петербурге получили право на выпуск бумажных денег – ассигнаций, которые выдавались только в обмен на сдаваемые металлические деньги. В первые годы ассигнации свободно обменивались обратно на монеты, но с 1769 года специально учрежденный Ассигнационный банк стал выпускать бумажные деньги без обмена на металлические. За время правления Екатерины II было выпущено бумажных денег на сумму 157 млн. руб. К 1786 году свободный обмен ассигнаций на серебряные деньги прекратился, вследствие чего их ценность стала падать. К концу века бумажный рубль уже стоил 68 коп. В России появилась практика расчетов в торговле одновременно в ассигнациях и в серебре. Нестабильность денежного обращения сохранялась вплоть до 1840-х годов.

Новым источником пополнения казны стали внешние займы. Впервые внешний заем был получен Россией в 1769 году в Амстердаме на сумму 7,5 млн. гульденов. В результате, к концу XVIII века внешний долг России составлял 41,1 млн. руб. Общая же сумма государственного долга в конце столетия исчислялась в 216 млн. руб. Рост государственного долга России свидетельствовал о несоответствии экономической модели страны уровню ее государственного развития.

5 КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

5.1 Тенденции развития сельскохозяйственного производства

В первой половине XIX века процесс разложения феодализма происходил одновременно с развитием нового капиталистического уклада и носил острый и противоречивый характер. Процесс разложения феодально-крепостнических отношений, проявлялся во всех областях жизни страны и, прежде всего, в экономической. Усиливается рост товарно-денежных отношений, рост внутреннего и внешнего рынков, разложение крепостнических отношений в сельском хозяйстве, рост капиталистических форм в промышленности и упадок промышленности, основывавшейся на крепостном труде.

Сельское хозяйство данного периода основывалось на феодально-крепостнической системе производства, которая состояла из таких основных элементов, как натуральное хозяйство, наличие средств производства у помещика, личная зависимость крестьянина от помещика, внеэкономическое принуждение к труду, низкая техника производства. Хотя крепостнические отношения необратимо разлагались под влиянием капиталистического элемента, данный процесс проходил крайне медленно, поэтому феодально-крепостнические связи общества оставались господствующими. Ко второй четверти XIX века помещичьи хозяйства, основанные на крепостном труде, исчерпали свои возможности. Если помещик был кровно заинтересован в увеличении производства сельхозпродукции на продажу, крестьяне все меньше проявляли старания в работе.

Основы крепостнической хозяйственной системы заключались в том, что земля как хозяйственная единица разделялась на барскую и на крестьянскую, которая отдавалась в надел крестьянам для обработки своим трудом и инвентарем. Прибавочный продукт создавался крестьянами путем обработки своим инвентарем помещичьей земли, продукт этого труда шел в пользу помещика. Следствием данной системы хозяйства был крайне низкий уровень развития сельскохозяйственной техники и технологии сельскохозяйственного производства.

В этот период в России получили распространение три формы феодальной ренты: денежная, отработочная и рента продуктами, хотя степень развития их была неодинаковой в различных районах страны. Отработочная рента, она же барщина, являлась низшей формой феодальной ренты и была распространена в большей степени в черноземных губерниях Российской империи, так как земля здесь являлась большей ценностью, чем рабочая сила. Оброчная рента господствующее значение имела в нечерноземных великорусских губерниях, которые отличались значительным развитием промышленности и ремесел. Здесь источником оброка являлся не только собственно крестьянский труд, но и отхожие промыслы в городах, на фабриках и в кустарных промыслах. На протяжении первой половины XIX века по мере развития торговли и товарных отношений в обществе, что явилось следствием постепенного перехода к капиталистическому способу хозяйствования, продуктовая рента все чаще стала превращаться в денежную. Это в свою очередь вынуждало крестьянина реализовывать свой товар на рынке, и он тем самым волей-неволей включался в рыночные отношения, которые вели к дифференциации крепостной деревни. Развитие данная форма ренты получила в промышленных нечерноземных районах страны, но при этом положение крестьян, несших эту повинность была немногим лучше тех, кто работал на барщине. Если в конце XVIII века средняя сумма оброка составляла 7 руб. 50 коп. с души, то к концу 50-х годов в нечерноземных губерниях 17 – 27 руб. Кроме этого с более состоятельных крестьян-капиталистов сумма оброка могла колебаться от нескольких десятков до нескольких сотен рублей.

Процент барщинной формы эксплуатации среди помещичьих крестьян был выше оброчного. Однако на протяжении первой половины XIX века происходит рост удельного веса оброчных крестьян среди крепостных, но при этом в отдельных губерниях происходил обратный процесс повышения процента барщинных крестьян: в Воронежской – с 36 до 55, в Орловской – с 66 до 72 и в Пензенской – с 48 до 75.

Необратимый рост торговли и промышленности привел к увеличению спроса и сбыта на рынке хлеба, мяса и иной сельскохозяйственной продукции, что в свою очередь приводит помещиков к желанию повысить доходность своих имений. Увеличение доходности шло двумя основными путями.

Передовые помещики вводили новые сельскохозяйственные культуры, применяли передовые агротехнические технологии, использовали технические новинки в своем хозяйстве. Так, в хозяйстве купца Рекка 53 человека (в переводе на годового работника) обрабатывали 480 десятин, или один человек 9 десятин с лишним; в то время как в помещичьих хозяйствах, ведущихся традиционными способами, при самой интенсивной эксплуатации крестьян этот показатель редко превышал пять десятин. В 1842 году крупное имение А.Ф. Реброва а Пятигорском округе Предкавказья принесло ему 12 тыс. рублей. Помимо пшеницы, которая сбывалась не только на местных рынках, но и далеко от имения, доход приносило разведение овощей, сенокосы, виноградники. Кроме того, в имении были тутовый сад, образцовое шелкомотальное заведение, шесть водяных мельниц, конный завод на 900 лошадей и т.д. При этом самые трудоемкие процессы в хозяйстве выполнялись не крепостными, а наемными работниками, как более эффективной производственной единицей.

Однако большинство помещиков выбрали экстенсивный путь развития хозяйств своих поместий. С целью повышения доходности своих имений помещики расширяли свою запашку, оставляли за собой удобные земли и лесные угодья. Так, в Рязанской и Тамбовской губерниях по сравнению с концом XVIII века барская запашка выросла в 1,5 – 2 раза. Кроме этого часть владельцев поместий, стремясь извлечь из барщинной системы максимальную выгоду попросту отбирало у крестьян их земельные наделы, сажая их на месячину. Таким образом производительность труда, а за ним и продуктивность хозяйств неуклонно падала, ставя в тупик крепостную форму хозяйствования в целом и барщинную систему в частности.

Крепостная система, приводившая к крестьянскому малоземелью, усиленную ростом населения, приводила к обеднению основной крестьянской массы. Следствием чего была хроническая задолженность перед помещиками и беспомощность в неурожайные годы. Скотоводство среди крестьянства носило вспомогательный характер, скот был малорослый, подвергался массовым падежам и поэтому также не мог оказать существенную поддержку в период бескормицы. Помимо барщины и оброка, другой весьма тяжелой повинностью стала возрастающая в зимнее время года подводная повинность, которая заключалась в перевозке помещичьего хлеба на ярмарки и крупные промышленные центры, губившая и без того немногочисленный крестьянский скот.

Положение удельных и государственных было крестьян несколько лучше крепостных крестьян. Удельные крестьяне принадлежали царскому двору, имели большие наделы земли и состояли на оброке. Государственные крестьяне составляли около половины крестьянства России и их экономическое положение выгодно отличалось и от крепостных и от удельных крестьян: среднедушевые наделы у них были больше, а размер оброка ниже, чем у помещичьих крестьян, но выше чем у удельных. Так, денежная рента, уплачиваемая государственными крестьянами в 1829 году по отношению к удельным, составляла в Вологодской губернии 9 руб. к 8 руб., в Новгородской 8 к 6, Псковской 8 к 6,28, в Смоленской 9 к 6,50, в Черниговской 8 к 5 рублям.

Наиболее высокий процент государственных крестьян проживал в Сибири, в северных губерниях России, Приуралье, части районов Украины и черноземного центра.

Данная категория крестьян в силу более лучшего своего социально-экономического положения активней втягивалось в капиталистические отношения. Зажиточная часть крестьянства на основании указа 1801 года начинает приобретать ненаселенные участки земли в собственность. На протяжении первой половины XIX века государство рядом законов и постановлений облегчило включение государственных крестьян в рыночные отношения: в 1814 году было разрешено производить торговлю на ярмарках людям всех состояний, в 1818 году было разрешено крестьянам казенным, удельным и помещичьим учреждать фабрики и заводы при условии уплаты пошлин и с согласия начальства. Также было разрешено переселение государственных крестьян в города, предоставлялось право открытия фабрик в селениях, не выбирая свидетелю и т.п. Таким образом, более тесную связь с рынком имели государственные, удельные и помещичьи-оброчные крестьяне, что напрямую зависело от степени личной свободы этих категорий крестьян.

Несмотря на открывшийся доступ крестьян к торговле и рынку, доля крестьянского хлеба, из всей массы хлеба на рынке, составляла на 50-е годы XIX столетия по ориентировочным подсчетам не более 10 %; это было связано прежде всего с тем, что у крестьянина было мало «излишков», которые он мог вывезти на рынок. Однако встречались и исключения. Образцовые хозяйства зажиточных крестьян, как государственных, так и удельных и помещичьих, использовавшие агротехнические нововведения, нередко перегоняли помещичьи хозяйства по производству товарного зерна. Целинные степи Предкавказья были населены в основном государственными крестьянами, в 1849 году государственные крестьяне со своих полей собрали 60,5 % от общего количества зерна, в то время как помещичьи хозяйства 2,7 %.

Практика показывала, что даже малая заинтересованность крестьян в конечном результате производства давала положительный результат. Крестьяне самостоятельно улучшали и совершенствовали используемую сельхоз технику, а также создавали новые образцы: на выставке в 1845 году в селе Великом была экспонирована трепальная машина для льна, созданная крестьянином Х. Алексеевым, в 1849 году на Лебедянской выставке крестьянин В. Сапрыкин продемонстрировал собственные модели молотилки, веялки и водяной мельницы и т.п. В хозяйствах удельных крестьян также появлялись нововведения. В 1844 году Никита Санин, крестьянин Вятской губернии изобрел молотильную машину, которая по простоте, качеству и низкой цене была признана лучшей из имевшихся молотилки на тот период.

Помимо изобретения и усовершенствования сельхозмеханизмов, государственные и удельные крестьяне в большей степени проводят селекцию семян, применяя для собственных посевов сортовые семена различных сельхозкультур.

Как и крепостные, государственные и удельные крестьяне страдали из-за растущего малоземелья. Начиная с 1830 – 1840-х годов удельные крестьяне должны были платить повышенную норму оброка за

уменьшенный надел. Крестьяне, желавшие получить больше земли должны были брать ее у удельного ведомства за особую арендную плату. Среднедушевой надел государственного крестьянина составлял около 5 десятин, а незаконные поборы чиновниками при взимании налогов и платежей делали большинство крестьян недоимщиками. Переселение же малоземельных крестьян в степные регионы страны также не давало экономического эффекта из-за произвола бюрократического аппарата и непродуманности политики.

Поэтому зажиточная часть крестьян, обратившаяся к прогрессивной агротехнологии, не могла обходиться имевшимися в их распоряжении земельными участками и без применения наемного труда. Происходивший в это время процесс усиления крестьянского малоземелья приводил к растущему расслоению среди ранее однородной крестьянской массы, а это, в свою очередь, создавало рынок наемного труда, а недостающие площади приобретались или брались в аренду. В стране, таким образом, появляется неформальный рынок наемного труда, так как не только зажиточные крестьяне, но и помещики начинают ощущать потребность в наемной рабочей силе. Главным образом это явление проявилось в отходе крестьян на сезонные сельхозработы. В мелких и средних городах на Нижней Волге в 30 – 40-х годах XIX века существовали «биржи труда», куда в летние месяцы стекались десятки тысяч земледельческих батраков. В середине 50-х годов на Южную Украину уходили батрачить около 300 тыс. человек, в Заволжье около 150, в Прибалтику около 120 и в остальные районы около 150 тысяч. Тамбовские крестьяне также участвовали в сезонных работах, уходя в южные губернии, где урожай созревал на несколько недель раньше.

В этот период усиливается специализация отдельных сельскохозяйственных регионов страны.

Правобережная Украина	усиленно развивалось свекловодство, поставлявшее сырье для сахарных заводов
Левобережная Украина	широкое распространение получили посевы табака
Южные губернии и Нижнее Поволжье	большое значение приобретает засев подсолнечника
Южная Украина и Предкавказье	разведение тутовых деревьев
Армения, Азербайджан, район Дербента	разведение красильного растения марены
Закавказье и Крым	виноградарство и виноделие
Нечерноземные районы	паровые поля занимали посевами трав, для корма скота
Степные районы	разведение тонкорунных овец

Главенствующую роль в прогрессе сельского хозяйства играла Прибалтика. В имениях в Эстонии, Латвии и Литве повышение уровня агротехники носило более широкий и всесторонний характер.

На протяжении первой половины XIX века процесс развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве развивался параллельно с существованием отжившей феодальной эксплуатации. Капиталистические хозяйства, основанные на вольнонаемном труде, существуют лишь в рамках «ненаселенных земель» и арендованных земель, занимая небольшую долю от основного земельного фонда государства. Другой немаловажной причиной отсталости сельского хозяйства и неспособности динамично включаться в капиталистические отношения было общинное землепользование, которое ак-

тивно поддерживало правительство, как средство управления крестьянством, но это, в свою очередь, стесняло предпринимательскую активность середняка и зажиточного крестьянства.

Таким образом, крепостнические пережитки деревни, основанные на традиционных социально-экономических отношениях являлись серьезным тормозом на пути становления капитализма не только в аграрном секторе экономики, но и в масштабах всего хозяйства страны.

5.2 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОПЫТКИ СТАБИЛИЗАЦИИ

Уже к началу XIX века финансовое хозяйство России оказалось в крайне тяжелом состоянии. Дорогостоящие войны, расширение бюрократического административного аппарата империи, пышная роскошь екатерининского двора требовали огромных финансовых затрат. За 34 года царствования Екатерины II расходы на внутреннее управление увеличились в 5,8 раза, на армию – в 2,6 раза, содержание двора – 5,3 раза. Общая сумма расходов за указанный период повысилась в 4,3 раза, в то время как население выросло менее чем в два раза.

Огромный государственный долг, расстроенное денежное обращение, хронические бюджетные дефициты, полная неупорядоченность бюджетно-сметного дела – все это стало финансовым результатом екатерининского царствования. Эта картина финансового упадка дополнялась полной бесконтрольностью в расходовании государственных средств и казнокрадством чиновников всех рангов и степеней.

Первое десятилетие XIX века не внесло никаких существенно новых черт и в финансовую политику самодержавной России. Правительству не только не удалось оздоровить государственные финансы и создать рациональную бюджетную систему, но и предотвратить их дальнейшее ухудшение. Основная причина прогрессирующего упадка бюджетного хозяйства заключалась в том, что социальные основы финансовой политики самодержавия находилась в противоречии с требованиями экономического развития страны.

Структура государственного бюджета в начале XIX века почти совершенно не изменилась по сравнению с предыдущим столетием. Главной статьёй государственных расходов даже в мирное время были затраты на содержание армии. Так, в 1804 году по данным министерства финансов на содержание армии и флота было затрачено около 53 млн. руб., что составило свыше 43 % от общей суммы государственных расходов.

Основными статьями государственных доходов были подушная подать, оброчные сборы и так называемый «питейный доход». В 1804 году эти статьи дали 71 млн. руб. или 63 % всех государственных доходов. Также большое значение имел «соляной доход». Остальные доходы казны, в том числе таможенные пошлины, почтовые сборы и прочее не играли существенной роли.

Войны 1805 – 1809 годов потребовали от государства непосильных для государственного бюджета расходов. Дефициты и без того обычные для русского бюджета возрастают до чрезвычайных размеров. Заключение займов правительство не смогло решить проблемы: капиталисты не верили в платежеспособность русского правительства и предлагали невыгодные условия займа. Поэтому правительство прибегло к старому испробованному способу покрытия дефицита бюджета – выпуску новых ассигнаций. Эти выпуски производились в очень крупных размерах, результатом чего стало резкое падение курса ассигнационного рубля, который в 1804 году стоил от 20 до 25 коп. серебром.

Ответственные меры по стабилизации финансов государства были поручены талантливому администратору М.М. Сперанскому. По поручению Александра I он составил свой «План финансов», утвержденный манифестом царя. Согласно плану первой мерой стало предотвращение дальнейшего падения стоимости ассигнаций, для чего прекратился выпуск новых. Затем предполагалось установить бюджетное равновесие путем установления соразмерности доходов с расходами, для чего Сперанский запроектировал повышение подушной подати, оброчных сборов и некоторых других налогов при резком сокращении государственных расходов. Усилиями Сперанского, утвержденная приходно-расходная смета на 1818 год составила 209 и 184 млн. руб. соответственно. Таким образом профицит составил 25 млн.

руб. Однако фактически за этот год израсходованы были 241 млн. руб. и бюджетный год закончился опять дефицитом.

Кроме того, Сперанский предложил государственные земли и леса продавать частным лицам (в том числе купечеству высших разрядов и иностранным капиталистам), а не раздаваться в виде поощрения, как это делалось прежде. Обстоятельства в стране, однако, не благоприятствовали проведению преобразований. Внутри страны преобразования не получили поддержки из-за своей радикальности. Сперанского обвинили в измене и отправили в ссылку.

Отечественная война 1812 года окончательно расстроила финансовое положение России. Она потребовала от правительства новых усиленных расходов. Поэтому 9 апреля 1812 года был издан закон прямо противоречащий по своему характеру манифесту 1810 года, согласно которому все платежи и расчеты между частными лицами и в казну должны были производиться ассигнациями и был установлен принудительный курс для ассигнаций. Общий дефицит государственного бюджета за два с половиной года войны составил около 360 млн. руб. Выпуски ассигнаций продолжались. К этому присоединились и другие финансовые затруднения: повышение налогов привело не к повышению доходов, а к росту недоимок; увеличивалось количество фальшивых ассигнаций и пр. Это в свою очередь диктовало необходимость решительных финансовых преобразований.

Председатель департамента экономии государственного совета Н.С. Мордвинов видел выход в сокращении количества находящихся в обращении ассигнаций. Эта идея была воспринята и доведена на крайности министром финансов графом Д.А. Гурьевым, который сокращение числа ассигнаций признавал единственным средством вывода казны из тяжелого положения. Действия правительства в этом направлении были предприняты в 1817 – 1819 годах и привели к некоторому повышению курса ассигнаций на 2,5 %, однако для достижения этого эффекта пришлось заключить два внутренних займа.

В 1823 году министром финансов стал Е.Ф. Канкрин. Новый министр финансов сразу же приступил к финансовым преобразованиям. Первоначально он пытался произвести частичные перемены и поправки: провел ряд мер к расширению обращения металлических денег. Канкрин решительно ограничил денежную эмиссию. Он ввел протекционистские тарифы по отношению к национальной промышленности и торговле, что стимулировало общий объем поступления налогов в казну. Эта мера в сочетании с режимом жесточайшей экономии привела к пополнению казны и ликвидации уже в 1824 году дефицита бюджета.

Продолжая меры к расширению металлического денежного обращения, Канкрин в 1827 году допустил прием серебра при покупке паспортов и гербовой бумаги, а позднее и в некоторых других случаях. Благодаря отчасти этим мерам, а главным образом общим условиям экономической жизни страны, курс на ассигнации стал улучшаться: в 1830 году ассигнационный рубль стоил 26,33 коп. серебром, а в 1839 году уже 33,33 коп.

А венцом его карьеры, безусловно, стала денежная реформа 1839 – 1843 годов, проведенная при полной поддержке императора Николая I. Эта реформа была осуществлена не сразу, а путем нескольких законодательных мер.

Реформа заключалась в том, что ассигнации, впервые выпущенные в России при Екатерине II, царским Манифестом от 1 июля 1839 года были зафиксированы по курсу 3 руб. 50 коп., что, в свою очередь, было равнозначно 1 рублю серебром.

Подобное решение оказалось весьма насущным, так как до этого с ассигнациями творилась полная неразбериха: российское правительство в случае возникновения необходимости просто произвольно допечатывало их, что вызывало хаотичные колебания их курсов. После же реформы Канкрин вопрос о ценности госбумаг был наконец решен. В 1840 году была учреждена депозитная касса, выпускавшая так называемые депозитные билеты. В силу Высочайшего манифеста 1 июня 1843 года ассигнации и иные бумажные знаки стали обмениваться на «государственные кредитные билеты», которые, в свою очередь, разменивались на звонкую монету.

Сам Канкрин считал бумажные деньги продуктом высокоразвитого хозяйственного строя и допускал их использование с рядом ограничений (разменный фонд, тщательный контроль «сословий», где

они обращаются, производительные цели выпусков и т.д.). Металлические деньги, по его убеждению, зачастую из блага для национальной экономики превращались в «божье наказание».

Тем не менее он отлично понимал, что большинство его современников испытывало необъяснимый страх перед бумажными деньгами и столь же необъяснимое доверие к деньгам металлическим. Поэтому свою денежную реформу Канкрин проводил не только с немецкой щепетильностью, но и весьма аккуратно и неторопливо. Что уберегло и без того хрупкую финансовую систему России от излишних потрясений.

После денежной реформы, проведенной Канкриным, Россия не только забыла на 10 лет о проблеме бюджетного дефицита, но вплоть до Крымской войны была защищена от серьезных финансовых проблем. Канкрин был сторонником протекционистской политики. С этой целью он вводил «защитные» пошлины на импорт иностранных товаров и, напротив, стремился с помощью тарифов поощрить отечественного производителя, чему примером был знаменитый «сахарный тариф», установленный в 1826 году.

В целом Канкрин уделял огромное внимание проблемам развития российской промышленности. Он учредил мануфактурный совет, устраивал промышленные выставки в Санкт-Петербурге и Москве, давал специальные поручения агентам министерства за границей, основал Технологический институт в Санкт-Петербурге, поощрял распространение специальных изданий, облегчал формальности при открытии промышленных учреждений.

5.3 ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В первой четверти XIX века наблюдался быстрый рост капиталистической мануфактуры, основанной на вольнонаемном труде и прогрессирующий упадок крепостнической вотчинно-дворянской мануфактуры. Помещичьи предприятия, основанные на крепостном труде, не могли составить конкуренцию капиталистическим мануфактурам. Из-за низкой рентабельности они закрывались одно за другим. Так, суконная мануфактура декабриста М.С. Лунина в 1824–1825 годы дала своему владельцу только 2 % чистой прибыли и была закрыта, ее судьба была типична для помещичьей промышленности того времени.

Особенно интенсивно распад вотчинно-дворянской и посессионной промышленности происходил во второй четверти XIX века. В период с 1825 по 1860 год число посессионных рабочих сократилось с 29 до 12 тыс., вотчинных – с 67 до 59 тыс. человек, в то время как количество вольнонаемных рабочих увеличилось в 4 раза.

Отрасли промышленности, в которых в предреформенный период преобладал крепостной труд, пришли в упадок. Ярким примером в этом отношении была уральская металлургия, которая в первой половине

XIX века находилась в состоянии полного застоя. Между тем промышленные отрасли, в основе которых лежали капиталистические начала, развивались быстро и интенсивно. К числу наиболее передовых отраслей относилась хлопчатобумажная промышленность: уже в 1814 году в ней насчитывалось около 97 % вольнонаемных рабочих.

Кроме привлечения вольнонаемного труда подъем промышленного производства был тесно связан с начавшимся переходом от ручного труда к машинному: владельцы мануфактур стали все чаще приобретать и использовать различные механизмы, вводить усовершенствованные способы обработки сырья, заменять двигательную силу человека и лошади силой пара. Это и стало началом промышленного переворота. Благодаря чему повышалась производительность труда, увеличивалось количество производимых продуктов при снижении их себестоимости. Оснащенные современной техникой фабрики, выпускавшие более качественные и дешевые товары, начали вытеснять ручные мануфактуры и мелкое ремесленное производство. Важную роль в техническом перевооружении промышленности играл ввоз машин из-за границы: с 1830 по 1850 год оборудования и машин было ввезено на 24 млн. руб., а в течение 50-х

годов на 48 млн. руб. Частично машинное оборудование ввозилось сначала из Бельгии, затем из Англии, которая производила более совершенные механизмы. К 1857 году только в московской промышленности использовались 152 паровые машины, мощностью 3115 лошадиных сил, а во всей промышленности по России в это же время мощность паровых двигателей составляла 15 тыс. лошадиных сил. Для производства различных механизмов строились и отечественные машиностроительные заводы, в основном в Петербурге; в 1849 году для постройки пароходов был построен Сормовский завод около Нижнего Новгорода. Хотя количество этих предприятий было небольшим, но это было новое явление в российской промышленности, характеризовавшее начавшийся промышленный переворот.

Несмотря на технические нововведения, продукция российских мануфактур и фабрик не могла конкурировать с западноевропейской по своему качеству и стоимости. Вывоз товаров в восточные страны – Среднюю Азию, Иран, Турцию – был ограниченным, а емкость внутреннего рынка – недостаточной из-за бедности деревни и низкого уровня ее покупательной способности. Только таможенные барьеры, установленные в 1822 году правительством, обеспечили высокий уровень прибыли капиталистам.

Своевременному сбыту промышленных товаров мешало и несовершенство путей сообщения: оно замедляло необходимый оборот капиталов и поднимало цену продаваемых продуктов. Несмотря на начатую постройку железных дорог, строительство шло низкими темпами, что не отвечало насущным требованиям промышленности и торговли. Хотя неуклонно развивается магазинная торговля, ярмарки, базары и коробейники оставались основными элементами товарооборота. Таким образом архаичные формы товарообмена отставали от роста промышленного производства.

Рост общественного разделения труда в первой половине XIX века вызвал интенсивный рост значительного числа промышленных селений в Центрально-Нечерноземном районе, особенно в губерниях Московской, Владимирской, Костромской, Калужской, Нижегородской, Тульской и Ярославской. По архивным данным Центрального статистического комитета, в 1846 году только в Нижегородской губернии в промышленных селениях насчитывалось до 2,5 тыс. предприятий, производительность которых составляла 73 % общегубернской суммы промышленного производства. Наиболее развитыми в промышленном отношении были Московская и Владимирская губернии, представлявшие собой ядро промышленного центра России. При этом ведущую роль играла Московская губерния, в которой в 1846 году насчитывалось 1249 промышленных ценовых предприятий со 114,5 тыс. рабочих, где доминирующие позиции в производстве промышленной продукции принадлежали мануфактурам и фабрикам Москвы, которые производили более 56 % общегубернской промышленной продукции.

Такие промыслы крестьян служили базой для возникновения крупной капиталистической промышленности, превратившись впоследствии в ее составную часть. Они же поставляли кадры наемных рабочих для текстильных фабрик Москвы и Подмосковья. Текстильная промышленность значительное развитие получила не только в Московской, но и во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях.

В мануфактурной России большое место в промышленном производстве занимала промысловая деревня. Поэтому отраслевая специализация находила свое выражение в разделении труда не только между отдельными районами и городами, но и между промышленными селениями. При этом происходила специализация даже по отдельным частям продукции. Так, в колесном производстве «ободья гнет одна деревня или село, втулки точет другая, колеса собирает третья, а оковывает их четвертая». В кожевенном производстве «в одном месте заготавливают корье, в другом дубят кожу, в третьем шьют обувь». Эти факты, характеризующие углубление процесса разделения труда, свидетельствуют о прогрессирующем процессе отделения ремесла от земледелия, когда «по мере упадка натурального хозяйства, один за другим вид обработки сырья превращался в особые отрасли промышленности».

По мере расширения и углубления общественного разделения труда домашнее производство все более превращалось в товарное, попадая под власть крупного капитала.

Развитие капитализма в предреформенной России, разрушая патриархально-натуральный уклад крепостнической деревни, предъявляло большой спрос на рабочие руки. В этих условиях частичное лишение крестьянства средств производства, малоземелье и рост относительной перенаселенности де-

ревни вызывали интенсивный рост промыслового отхода, получивший наибольшее развитие в центрально-промышленных губерниях России.

В конце 50-х годов XIX века только из семи губерний промышленного центра на заработки уходило 887 тыс. человек, что составляло 26,5 % мужского населения деревень, при этом наивысший процент отходников был в Московской и Тверской губерниях – до 43 % работников-мужчин, во Владимирской, Костромской и Ярославской – 30 – 36 %. Из Вышневолоцкого и Кашинского уездов Тверской губернии, а также из Рыбинского уезда Ярославской губернии на заработки уходило почти все взрослое мужское население.

В Московской губернии главным занятием отходников была работа на заводских и мануфактурных предприятиях Москвы и промышленных селений Подмоскovie. Меньше всего крестьян уходило в отход из промысловых деревень и сел Богородского уезда, где широко развитая текстильная промышленность позволяла находить им работу на месте.

Во Владимирской губернии на заработки уходили преимущественно крестьяне из деревень Шуйского, Александровского, Юрьев-Польского и Переяславского уездов. Отсюда свыше 85 % отходников направлялись на текстильные предприятия Москвы, Иванова, Александровска, Шуи. В Калужской губернии промысловый отход был наиболее развит в северо-восточных уездах, примыкавших к Московской губернии. Основную массу составляли ткачи, уходившие на московские фабрики и мануфактуры на годичный срок. Они фактически теряли хозяйственную связь с землей. Ревизор Министерства государственных имуществ А.И. Ламанский в этой связи отмечал, что в Калужской губернии «фабричные совершенно отвыкают от крестьянской жизни и составляют в крестьянстве совершенно отдельный класс».

Основная масса крестьян-отходников из центральных промышленных губерний направлялась в Москву и Петербург, играя важную роль в развитии этих ведущих промышленных центров страны. В 1841 году приехавшие крестьяне-отходники составляли 46 % жителей Петербурга.

Промысловый отход играл важную роль в процессе отрыва крестьянина от земледелия и пополнении армии наемного труда. Отходничество усиливало процесс социального расслоения крестьянства. Из массы отходников постепенно выделялась небольшая прослойка зажиточных «хозяев» в лице скупщиков, подрядчиков, светелочников и торговцев, применявших наемный труд и скапливавших нередко значительный капитал.

Именно крестьяне, занятые в отходном промысле, считались вольнонаемными рабочими, за исключением небольшой прослойки разорившихся мещан. Как правило, вольнонаемные рабочие первой половины

XIX века сами не порывали связи с деревней: в период сельскохозяйственных работ они покидали предприятия и промышленное производство вынуждено было сокращаться или останавливаться на летние месяцы.

Список рекомендуемой литературы

- 1 Новосельцев А.П. и др. Пути развития феодализма. М., 1972.
- 2 Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII – XIII вв. М.-Л., 1963.
- 3 Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI – XVII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1976.
- 4 Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России, СССР. М., 1966.
- 5 Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1954.
- 6 Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.
- 7 Толкушин А.В. История налогов в России. М., 2001.
- 8 Мельникова А.С. Деньги в России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 года. М., 2000.

- 9 Русский рубль. Два века истории. XIX – XX вв. М., 1994.
- 10 Экономическая история России XIX – XX вв.: современный взгляд. М., 2001.
- 11 Собственность в России в средневековье и раннее новое время. М., 2001.
- 12 Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX – XX вв. 1800 – 1917. М., 1950.
- 13 Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957.
- 14 Дружинин Н.М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. М., 1987.
- 15 Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX – XX вв.). М., 1954.
- 16 Ляхов А. Основные черты социально-экономических отношений в эпоху Императора Александра I. М., 1912.
- 17 Кафенгауз Б.П. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958.
- 18 Павленко Н.И. История металлургии в России в XVIII в. М., 1962.
- 19 Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.
- 20 Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.-Л., 1941.
- 21 Ансимов Е.В. Время Петровских реформ. М., 1989.
- 22 Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
- 23 Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.
- 24 Муравьева Л.Л. Деревенская промышленность центральной России второй половины XVIII в. М., 1971.
- 25 Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.